

ХАРЛИ КВИНН

БЕЗУМНАЯ ♥ ЛЮБОВЬ

ПОЛ ДИНИ + ПЭТ КЭДИГАН

Вселенная Бэтмена

Пэт Кэдиган

Харли Квинн. Безумная любовь

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-313.2 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Кэдиган П.

Харли Квинн. Безумная любовь / П. Кэдиган — «Издательство АСТ», 2019 — (Вселенная Бэтмена)

ISBN 978-5-17-118243-4

Когда ей было всего семь лет, Харлин Квинзель стала свидетелем того, как ее отца избили бандиты, а затем арестовала полиция. Той ночью она убежала в самое безопасное место, о котором только могла подумать: парк развлечений Кони-Айленд. Но там, преследуемая до «Дома Веселья» людьми, которые издевались над ее отцом, она познала невообразимые ужасы. Годы спустя Харлин оставила прошлое позади и использовала свой интеллект и амбиции, чтобы построить карьеру в психиатрии и забыть свое детство, проведенное в нищете. Поступив на работу в Лечебницу «Аркхем», она обнаружит там нечто опасное и заманчивое, нечто совершенно не похожее на все, что знала раньше: Джокера. Зачем соглашаться на любовь, когда можно получить БЕЗУМНУЮ ЛЮБОВЬ. От появления розы на столе Харлин до момента, когда она надевает колпак арлекина, это самая полная история одного из самых противоречивых и популярных суперзлодеев за всю историю комиксов – Харли Квинн. Хроника одержимости, жгучего желания и маниакального смеха.

УДК 821.111-313.2 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118243-4

© Кэдиган П., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
1	8
2	15
3	22
4	27
5	30
6	33
7	38
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пол Дини, Пэт Кэдиган

Харли Квинн. Безумная любовь

Paul Dini

Pat Cadigan

Harley Quinn. Mad Love

Copyright © 2019 DC Comics

BATMAN and all related characters and elements © & ™ DC Comics

WB SHIELD: ™ & © Warner Bros. Entertainment Inc. (s19) S 0175632

© Ф. Гомонова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

История Харли Квинн началась с ограбления ночного клуба в Нью-Йорке.

Вполне логично и даже ожидаемо, учитывая то, что нам известно о Харли Квинн. В действительности, она едва ли провинилась. Ее в клубе вообще не было. Но все жизни связаны между собой, ничто не происходит в вакууме, и круги от какого-либо события расходятся, подчас, далеко.

По пятничным вечерам ночной клуб «Пульсар» по праву считался самым популярным заведением в городе. Его заполнял шум танцующей толпы. Хорошая музыка, хорошая компания, приятнейшее ощущение, что очередная рабочая неделя осталась позади. Люди отлично проводили время, так что никто не заметил, как грабители взломали дверь, ведущую в кабинет владелицы клуба. Она, к слову, тоже развлекалась, но несколькими этажами выше, в своей квартире, в компании очень симпатичного джентльмена. Ограбления ее не волновали: для этого существовала страховка.

А вот грабителям страховка не полагается. Не полагаются им и компенсации, когда дела идут вкривь и вкось. Той ночью именно так и получилось: они взломали сейф, надеясь найти кучу денег, ценных бумаг и драгоценностей, а сейф оказался пуст.

У них имелся отлично продуманный план, составленный в счет уплаты старого долга опытным специалистом. Этот специалист знал все о сейфе, кабинете и способах избежать столкновения со службой безопасности «Пульсара». Он также знал, что владелица будет увлечена длинными, шелковистыми волосами своего приятеля, которые так приятно ворошить пальцами, и что клуб будет ее волновать в последнюю очередь. По пятницам клуб вообще не нуждался в управлении: достаточно было открыть дверь, и уставшая от работы толпа вливалась внутрь, готовая тратить деньги на выпивку и закуски до самого закрытия в три утра. Помимо выпивки, здесь приобретали и многое другое: такой необходимый для счастья боливийский кокс или Супер-Икс. Правда, это уже совсем иной бизнес, и в обычные дни волноваться было совершенно не о чем.

К сожалению, именно пятничную ночь выбрали для своего рейда агенты по борьбе с наркотиками на пару с местной полицией. Они ввалились в клуб, вырубili музыку и сломали всем кайф как раз в ту минуту, когда грабители обнаружили, что сейф пуст.

Увы, грабители не могли показать на пустой сейф и пожалеть плечами, надеясь, что полицейские легко их отпустят, раз уж приключилась такая незадача. Грабителям пришлось пробиваться к выходу с боем, чего им делать совершенно не хотелось, поскольку стрелять в копов – верный способ навлечь на свою голову гнев всей полиции Нью-Йорка. Копы свирепствуют так, что федералам мало что остается. Если вообще что-то остается.

Но и в тюрьму садиться никто не намеревался. В результате разочарованные грабители сбежали с пустыми руками, а врачу мафии пришлось поработать сверхурочно.

Харлин Квинзель во всем этом не участвовала. Ей было семь лет, и, когда грабители слышали полицейские сирены, ей давно уже полагалось лежать в постели. На следующий день бандиты сидели тихо, не высовывая носа. Владелица «Пульсара» подписывала страховые документы, ее адвокат отвечал на вопросы полиции, а Харлин Квинзель гуляла по Кони-Айленду со своим отцом.

1

Самый лучший день в жизни.

Харлин казалось, что она ждала его целую вечность. Когда она была единственным ребенком в семье, они с папой проводили вместе куда больше времени. Потом у нее появился маленький братик, довольно забавный, но уж очень громкий. Папа объяснил Харлин, что братик еще маленький, ему нужно много внимания, и пообещал, что они с мамой обязательно вознаградят Харлин за ее терпение и помощь.

Харлин была хорошей девочкой. Она терпела и по мере сил помогала маме. И вот, когда она начала подумывать, что ей уже полагается обещанное вознаграждение, мама с папой принесли домой *еще одного* маленького братика. Теперь малышей было двое, и ей ничего не оставалось, как отыгрывать роль послушной девочки и помогать маме. Папа ведь пообещал, что ее вознаградят. Пообещал!

А затем они опять отправились в больницу и привезли домой еще одного младенца, и Харлин обзавелась тремя маленькими братиками.

Верилось с трудом: родители серьезно считают классным, что у нее столько маленьких братиков? Однако, порой взрослые бывают такими странными...

Если бы кто-то поинтересовался ее мнением, Харлин бы сказала, что ей очень хочется сходить в кино или на представление цирка на льду. Но больше всего она хотела, чтобы они с папой вдвоем отправились на Кони-Айленд. Папа никогда не считал, сколько она съела сосисок в тесте или яблок в карамели, не боялся прокатиться вместе с ней на «чертовом колесе». Вот мама, например, вечно ругала Харлин за то, что та запачкала горчицей рубашку, сгрызла с яблока одну карамель и руки у нее липкие от сладкой ваты.

Она понимала, что мамочка ничего не могла с собой поделаться: все мамы таковы.

Папа же был совсем другим. Правда, теперь у него на шее сидело трое мальчишек, и ему приходилось работать с утра до ночи почти без выходных. Он просил у Харлин прощения и говорил, что, как только выдастся свободный денек, они непременно отправятся вместе в парк и хорошенько повеселятся.

Обычно он говорил ей это как раз перед тем, как уйти на работу.

По крайней мере, папа с мамой больше не приносили домой маленьких братиков. Хотя бы какое-то утешение. Папочка теперь дневал и ночевал на работе. Харлин подозревала, что он вообще позабыл, что можно делать что-то еще. Или того хуже: ему больше нравилось на работе, чем дома с ней, мамочкой и тремя вечно орущими маленькими братиками.

Тем утром она уже смирилась, что проведет целую субботу дома, меняя подгузники и притворяясь, словно не слышит, как мама вполголоса жалуется на ловушку, в которую угодила (чепуха какая-то, ведь у них в доме и мышеловки-то не было). Как вдруг папочка сказал, чтобы Харлин поскорее одевалась, а то они и к полудню не попадут на Кони-Айленд.

Харлин боялась поверить в происходящее. Боялась, что едва они выйдут из дома, отцу позвонят, и ему придется опять уехать на работу, а ей ничего не останется, только мрачно менять грязные подгузники.

Обошлось.

Они с папой доехали на метро до Кони-Айленда и оказались там задолго до полудня. Папочка сказал, что если ему позвонят, он не станет отвечать, и что слово «работа» отменяется до вечера.

Какой же это был чудесный день! Они вдвоем покатались на карусели, на «чертовом колесе», на американских горках и направились в отремонтированный, свежееккрашенный павильон аттракционов. Чего там только не было! Пухлые мягкие вертикальные валики, которые прокатывали человека между собой, точно комок теста. Плитки пола, которые то подни-

мались, то опускались, выскальзывая из-под ног так, что люди постоянно спотыкались. Еще стояли смешные зеркала: в одних твоё отражение становилось толстым и приплюснутым, в других – длинным и тощим, в третьих оно и вовсе кривилось и искажалось.

Даже длинные горки-слайды казались совсем новыми, высокими и более опасными, чем раньше. Харлин побоялась скатываться одна. Тогда папочка крепко ее обнял и съехал вниз вместе с ней, пока она визжала от восторга.

На обед они купили хот-доги и запили их лимонадом под названием «Кокосовое шампанское». Разумеется, то было вовсе не шампанское, а газировка, к тому же такая приторная, что Харлин не смогла допить свою порцию. Папа не возражал – он тоже не допил. Когда она обгрызла всю карамель с яблока, а само яблоко кинула птицам, он ничуть не рассердился. Лишь заметил, что ему бы тоже не понравилось яблоко без карамели, и они оба рассмеялись.

Позже папа признался, что после такого сытного обеда кататься на аттракционах не стоит, и они принялись играть в разные игры: пинбол, кольца, «Разбей пирамиду»... В «Подцепи игрушку» им особенно повезло: оба вытащили по плюшевой зверушке. Она выиграла смешную обезьянку, он – страуса. Призы были маленькими, но все равно замечательными, просто потому что они с папой выиграли их вместе. Папочка попросил ее позаботиться о его страусе. Сам он, дескать, пропадает на работе, и ему не хочется, чтобы Оззи заскучал. Ей очень понравилось, что папа сразу придумал страусу имя.

Когда они проходили мимо американских горок, он внезапно остановился и, указав на сложное переплетение поддерживающих балок, сказал, что решетка отбрасывает удивительную сетчатую тень: если встать в самой серёдке и не двигаться, никто из прохожих тебя не увидит.

– Но тебе никогда не придется там прятаться. На Кони-Айленд абсолютно безопасно, – добавил он, и они пошли дальше.

Держа его за руку, Харлин кивнула и еще раз оглянулась на решетку аттракциона.

Приближался вечер. Яркий солнечный свет угасал, и папа вот-вот должен был объявить, что им пора возвращаться, но вместо этого они направились смотреть разные шоу. Там была женщина, сидевшая на электрическом троне. Сквозь него проходил ток в тысячу вольт, но дама совершенно ничего не чувствовала, хотя и зажгла фонарик, прикоснувшись к нему языком.

Женщина-змея закручивалась в такие кольца, что Харлин побоялась на нее смотреть. Никто, даже ее учительница гимнастики, не смог бы похвастаться подобной гибкостью. Еще там был человек, который забил гвоздь себе в щеку, и у него даже не полилась кровь.

Они вернулись к павильону с аттракционами и еще раз пять скатились с большой горки. В конце Харлин уже совсем не боялась и только хохотала от восторга, когда они с папой усаживались на маленький коврик и летели вниз по длинному желобу.

По пути из павильона они случайно открыли какую-то дверку, думая, что за ней выход, и попали в тесную каморку, грязную и душную. По всему полу стояли банки с краской и лаками, словно рабочие нарочно расставили их так, чтобы кто-нибудь споткнулся. У стены стояли листы фанеры, а рядом теснились бутылки со столярным клеем и валялись куски синего мела. На двух козлах для пилки дров лежал большой кусок фанеры с электрической пилой поверх него.

В сухом воздухе сильно пахло опилками, свежей краской, растворителем и еще чем-то резким, химическим, вроде резинового клея. Харлин слегка затошнило.

– Плохое место, – недовольно буркнула она.

– Нет, просто мастерская, – поправил отец. – Кто-то же должен делать все эти смешные штуки.

Они покинули комнату, и он закрыл за ними дверь. Харлин подняла на него взгляд:

– Похоже, делать веселые вещи не очень-то весело.

– Это ты сейчас здорово сказала, – усмехнулся папа.

Харлин потащила его прочь от двери. Она все еще ощущала ужасный химический запах, и ей хотелось вдохнуть свежего воздуха. Из парка они вышли в темноте.

Харлин почувствовала тревогу и возбуждение. Было так поздно! Мамочка всегда говорила, что когда на улицах зажигаются фонари, пора бежать домой. Будь на месте отца мама, она бы уже давно испугала Харлин и надела на нее пижаму.

Но папа никуда не торопился. Вместо того чтобы пойти домой, он предложил заглянуть куда-нибудь поесть. «Настоящей еды», – пояснил он. Тогда, если мама спросит, ели ли они что-нибудь кроме хот-догов и яблок в карамели, они с чистой совестью ответят – «да». Они отправились в смешное маленькое кафе под названием «За-Есть», где все официантки ходили с пышно начесанными волосами, называли посетителей «дорогушами» и «сладенькими моими», говорили с протяжным бруклинским акцентом и постоянно выдували пузыри жвачки. Харлин решила, что тут почти так же весело, как на Кони-Айленде.

Папа позволил ей выбрать еду самой. Она заказала чизбургер с беконом, жареную спиральками картошку и луковые кольца. Он же взял мясной рулет с картофельным пюре, подливкой и зеленым горошком. Мама часто такой готовила, хотя в её рулете частенько бывало больше хлеба, чем мяса.

Рулет пах просто замечательно, и Харлин показалось, будто она провинилась перед мамой, сравнивая ее стряпню со здешней. Странно, конечно, что отец заказал блюдо, которое мог съесть и дома. Вслух она ничего не сказала, но папа, похоже, умел читать мысли:

– Знаешь, захотелось вдруг мясного рулета. А заставлять маму лишний раз вставать к плите, да еще и так поздно, не годится.

«Что ж, звучит вполне разумно», – решила Харлин. По крайней мере, не страннее других объяснений взрослых. Однако ел папа необычно медленно, словно пытаясь растянуть момент и запомнить удовольствие. Он предложил кусочек Харлин. Она вежливо ответила, что не в настроении есть мясной рулет. Папу это рассмешило. На самом деле она втайне испугалась, что рулет окажется вкуснее маминого.

Харлин наелась так, что на десерт у нее уже не хватило сил. Папа оплатил счёт, оставив официантке большие чаевые.

– Спасибо, дорогуша, – улыбнулась официантка, выдувая пузырь жвачки. – Щедрое у тебя сердце, я всегда по человеку вижу.

На груди у нее висела табличка с именем «Милли», а светлые волосы были начесаны так пышно, что напоминали надувной мяч. Она повернулась к Харлин:

– Присмотри за ним, душечка, чтобы он без проблем до дома добрался. Хорошо?

– Да уж пригляжу, зайка, не беспокойся, – ответила Харлин, подражая густому бруклинскому говору женщины.

Все вокруг рассмеялись, но не зло, а словно над комиком, отпустившим забавную шутку. Милли громко чмокнула Харлин в макушку и сказала ее отцу:

– Классная у тебя малышка.

Они вышли из кафе.

– Ты меня сегодня удивила, – папа подхватил Харлин на руки и направился к станции метро. – Быстро соображать – незаурядный талант. Что-то подсказывает мне, ты далеко пойдешь.

Харлин обняла отца за шею и положила голову ему на плечо. Она ужасно устала. Папа у нее сильный. Как же спокойно в его руках. Лучшего завершения дня и представить нельзя. Девочка даже не заметила, как они дошли до метро и сели в поезд. Папочка продолжал держать ее на руках, и движение вагона постепенно ее убаюкало. Харлин уснула.

Они направлялись по улице к дому, когда ее внезапно разбудил грубый мужской голос:

– Так где же ты припрятал добычу, Ники?

– Вот-вот, Ники, тут некоторым любопытно. Расскажи-ка нам все, – проворчал другой.

Харлин подняла голову, протерла глаза и увидела двух сердитых незнакомцев, преградивших отцу дорогу.

– Ребята, со мной моя дочурка, – папа вздохнул. – Может, подождете, пока я отнесу ее домой?

– Ну, уж нет, Ники, – ответил первый из громил. – Мы уже раз тебе поверили, и это дорого нам обошлось.

– Ага, – кивнул второй. – Кто посоветовал нам подождать до пятницы? Дескать, минутное дело, никто даже не заметит. Только знаешь что? Большой куш-то оказался большой пустышкой.

Папа поставил Харлин на землю. Ей пришлось вцепиться в его штанину. Она так хотела спать, что едва удержалась на ногах. Однако он осторожно разжал ее пальцы и заставил отойти на несколько шагов назад.

– Сейф был гол до неприличия, – продолжил первый. – Кто-то там поживился еще до нас. И только один человек мог это сделать. Тот, кто знал о предстоящем дельце. Так вот, после того, как мы постреляли на выходе и едва унесли ноги, мы спрашивали разных людей и, черт побери, оказалось, что ты ошивался там в четверг и выпивал за компанию с хозяйкой заведения.

– А я говорил ребятам, что не стоит доверять Котяре-Квинзелю. Вот только вызывать полицию по наши души – это подлю даже для такой мрази, как ты, Ники.

– Я не виноват, – торопливо отрезал папа. – Я понятия не имел, что агентство по борьбе с наркотиками собирается...

– Хочешь сказать, просто удачное совпадение? Ну, конечно, это все меняет.

Второй внезапно шагнул вперед и, прежде чем Харлин поняла, что происходит, ударил ее папу в лицо. Тот пошатнулся и чуть не упал.

– Эй! – резко сказал первый. – А ну, прекрати!

– Почему?

– Да потому, что я хотел первым ему вмазать, – с этими словами он тоже ударил отца, сбив того с ног.

Папа рухнул на тротуар. Харлин крикнула, чтобы они прекратили, но бандиты не обратили на нее никакого внимания. Подняли папу на ноги, первый завел ему руки за спину, а второй принялся избивать. Харлин продолжала кричать, а ее никто не слышал, словно ее там вообще не было.

– Я позову полицию! – завизжала она и бросилась обратно к метро.

Мама часто повторяла, что в метро всегда можно найти полицейского, если он тебе нужен. Добежав до угла, Харлин увидела патрульную машину и выскочила на улицу, плача и размахивая руками.

Машина остановилась, загорелись сине-красные огоньки. Вышедший из машины полицейский оказался очень высоким человеком, даже выше ее отца. Харлин схватила его за руку и потянула за собой. Ей казалось, что она тащит за собой дерево. Второй полицейский неспешно ехал за ними, освещая улицу разноцветными пятнами.

К тому времени, когда они добрались до папы, громилы уже исчезли. Папочка лежал на асфальте в окровавленной одежде, и Харлин вдруг почудилось, что сердце у нее вот-вот остановится.

– Помогите ему, помогите! – Умоляла она.

Второй полицейский, молодой, не такой высокий, как напарник, но такой же крепкий, вышел из машины и подбежал к ним. Лица у мужчин выражали недоумение и тревогу, точь-в-точь как лицо матери, когда Харлин разбивала коленку или стучалась обо что-то головой. Впрочем, когда копы поняли, кто перед ними, их настрой переменился.

– Подумать только, наш старый знакомый Котяра-Ник, – распел высокий полицейский и вместе с партнером поднял ее папу на ноги.

– Осторожно! Ему же больно! – Воскликнула Харлин.

– Тише, малышка, с твоим стариком все в порядке, – отрапортовал высокий. – Ник, ты хоть представляешь, сколько народа тебя разыскивает? – с этими словами он завел руки Ника за спину.

Харлин испугалась, что ее отца вновь хотят избить, и кинулась на мужчину, размахивая кулачками.

– Да уймись ты! – тот, что пониже, оттащил ее в сторону. – Мы должны надеть на него наручники и доставить в участок. Никто ему ничего плохого не сделает.

– Но ему и так больно! Вы же должны помогать людям, – всхлипнула Харлин.

Копы посмотрели на нее, потом на отца.

– Сэр, вы в порядке? Не нужна ли вам медицинская помощь? – официальным, строгим голосом поинтересовался высокий.

Папа только сплюнул кровь:

– Просто царапина.

– Вот видишь, он говорит, что это просто царапина.

Они посадили отца на заднее сиденье патрульной машины и позволили Харлин сесть рядом. Всю дорогу до участка она прижималась к папе, но он не мог ее обнять, и оттого ей было очень-очень страшно.

В участке патрульные передали их детективам. Тот, что постарше, обладал смуглой кожей и слезящимися глазами, которые казались огромными за стеклами очков в черной оправе. В коротких, курчавых черных волосах кое-где мелькали белые нити седины. Он представился Джеком Тибодо. Его напарником был китаец Брайан Ли. Его длинные волосы были завязаны сзади в хвостик. При других обстоятельствах он бы Харлин понравился. Голос у него звучал приятно, зато лицо казалось таким серьезным, что девочка поневоле побаивалась.

Оба детектива были одеты весьма небрежно: пиджаки – полностью мятые. Мама бы наверняка предположила, что они в них спали. Учительница Харлин любила повторять, что на важную работу нужно приходить аккуратно одетым. Может, детективы просто об этом не знали или же им было все равно? Впрочем, всех остальных в участке, судя по всему, тоже не особо волновали правила хорошего тона.

Но самое ужасное заключалось в том, что они называли ее папочку плохим парнем, а вот это точно было неправдой! Разве кто-нибудь плохой повел бы ее на Кони-Айленд, катал бы ее на аттракционах и играл бы с ней во все игры? Милли в кафе сказала, что у него щедрое сердце. Разве так говорят про плохих людей? Если бы он был плохим, разве нес бы он ее на руках до самого дома? Плохие парни ничего такого не делают, они слишком заняты своими плохими делами.

Детективы обзывали ее отца «мошенником». Харлин понятия не имела, что это значит, но подозревала, что они придумали это слово специально, чтобы его обидеть. Они утверждали, что ее отец руководил серией ограблений и спланировал налет на ночной клуб, принадлежавший какой-то богатой даме, а потом обманул своих друзей, и теперь его разыскивали все подряд: плохие парни, хорошие, да и вообще все на свете.

Харлин с радостью бы объяснила, что ее папа точно не мог сделать ничего плохого, ведь весь день они провели вместе на Кони-Айленде. Она в сотый раз попыталась сказать правду, как вдруг папочка, сидящий напротив детектива, схватил ее за руку и усадил к себе на колени.

– Позвольте, я с ней поговорю, – попросил он детективов и развернул стул так, чтобы они не видели его лица.

Харлин потянулась к отцу, счастливая, что руки у него свободны и он может ее обнять.

– Послушай, солнышко, эти ребята просто делают свою работу, – зашептал он. – Если ты будешь им мешать, у них ничего не получится.

– Но папа... – начала было Харлин.

– Никаких «но», – он приложил палец к ее губам. – Все это займет какое-то время, так что будь умницей и наберись терпения.

– Позвонить вашей жене, чтобы она забрала девочку? – предложил Тибодо.

Папа обернулся, продолжая обнимать Харлин.

– Нет, пусть Шэрон поспит. У нас дома еще трое в пеленках, – он оглянулся и, увидев неподалеку пустую скамейку, кивнул Харлин. – Посиди там и подожди меня.

– Хорошо, – кивнула она с тяжелым вздохом.

– Может, в участке найдется кто-нибудь, кто мог бы с ней побыть? – поинтересовался папа у детективов.

Ли взял ее за руку, отвел к скамейке и уселся рядом.

– Знаю, ты не понимаешь, что происходит.

– Все я понимаю, – заявила она. – Вы злитесь на моего папу.

– Это не совсем... – детектив умолк на секунду. – Мы вовсе не хотим злиться на твоего папу, однако он сделал много плохо. Очень много.

– Мой папа не бывает плохим! – Возмутилась Харлин, чуть смутившись, ведь она говорила не совсем правду: порой папа ругался на маму, а мама ругалась на него.

– Твой отец украл чужие деньги, – продолжил детектив Ли. – Деньги, драгоценности и другие дорогие штуки. Красть – очень нехорошо.

Ее смущение мигом прошло. Детектив хотел, чтобы она плохо думала о своем папе, а это... это так *неправильно*. Он же ее папа! Харлин посмотрела на мужчину, и внезапно до неё дошло: полицейский ждет, что она с ним согласится. Согласится, что ее папа преступник. Пусть он ждет сколько угодно. Она никогда этого не признает.

– Ведь красть плохо, правда? – не отступал Ли. – Плохо по отношению к другим людям. Твой папа обокрал их, значит, он вел себя ужасно, верно?

Харлин выпрямилась. Ей вдруг вспомнилась одна фраза, которую часто говорила мама:

– Ничего, от них не убудет.

Лицо Ли приняло изумленное выражение. «*Что, не ожидал?*» – подумала Харлин. Коп молча встал, подошел к своему напарнику и, похоже, передал ему и ее папе то, что она сказала, как будто это было чем-то важным. Детектив Тибодо бросил на Харлин косой взгляд. Словно решал, стоит ли и на нее надеть наручники.

Папа же только пожал плечами.

– Верно она подметила, от них действительно не убудет, – он подмигнул Харлин, и она сразу почувствовала себя лучше, пусть всего на секундочку.

Детективы без конца задавали ему одни и те же вопросы. Харлин сама была бы не прочь задать им несколько вопросов. Например, неужели это на самом деле стоящая работа? Неужели эта работа делает их хорошими парнями? У папы лицо и одежда по-прежнему были в крови, час стоял поздний, у Харлин слипались глаза, а теперь она еще и в туалет захотела.

Наверное, нужно было отпроситься. Может, они все же наденут на нее наручники? Хотя туалет находился совсем близко: она видела надпись на двери со скамейки.

Харлин хотела спросить кого-нибудь, но все вокруг были слишком заняты. Даже папа сидел к ней спиной, разговаривал с новым детективом. Наконец, терпеть стало совсем невозможно. Описаться в полицейском участке – наверняка нарушение закона. Никто не остановил ее, когда она встала и пошла в туалет. Там ужасно воняло хлоркой.

Выйдя из туалета, она направилась было к скамейке, но на полпути остановилась. Похоже, ее отсутствия никто не заметил. В участке царила суматоха. Полицейские то и дело приводили новых задержанных в наручниках и усаживали их возле столов детективов. Раньше

Харлин решила бы, что все, кто в наручниках, – плохие парни, но теперь-то она знала: это не так, полицейским тоже случалось ошибаться. Вот только они не желали признавать, что совершили ошибку, и настаивали на своем до тех пор, пока остальные с ними не соглашались.

Харлин посмотрела на отца и на допрашивающих его детективов. Сколько раз можно повторять одни и те же вопросы? Они решили установить мировой рекорд?

Не думала она, что самый прекрасный день закончится подобным образом. Папочка должен был отнести ее домой, в ее комнату, и уложить спать. А она бы, проваливаясь в сон, даже не услышала, как мама попрекает папу за то, что они так долго гуляли.

Вместо этого неизвестные громилы едва не лишили папу жизни, а потом, когда она привела полицейских, его заковали в наручники, *словно это он преступник*. Никого из них не волновало, что ему больно. Никто не сказал: «Это неправильно, они не должны были так с тобой поступать».

Ей всегда объясняли, что полиция должна помогать людям, защищать их. Но сегодня Харлин осознала: это утверждение явно относится не ко всем служителям порядка. Кому бы там полиция ни помогала, они с папой явно не входили в их число.

Двойные двери с надписью «Выход» были не заперты и не охранялись. Полицейские и детективы сновали туда-сюда, иногда – с задержанными. Харлин вдруг вспомнила слова папы о том, что, если человек ведет себя так, будто он точно знает, куда и зачем он идет, он может пройти куда угодно.

Она направилась к дверям, мысленно повторяя: «Я знаю, что делаю. Все нормально, я имею право тут быть, не беспокойтесь, вы меня не ищите».

Никто не обратил ни малейшего внимания, когда Харлин спустилась по лестнице и вышла на улицу. Она уверенно шла вперед, пока не отошла почти на квартал от участка.

А потом она побежала.

2

Много лет спустя, вспоминая ту ночь, Харли никогда не задавалась вопросом, что же заставило ее вернуться на Кони-Айленд. Она только что обнаружила, что хорошие парни порой не являются такими хорошими, какими все их видят. Она по-прежнему боялась, что те громилы вернутся, вот и спряталась в единственном безопасном месте. Разве могло случиться нечто ужасное там, где она провела самый чудесный день в жизни? Что ж, будь мир совершенен, она бы действительно оставалась в абсолютной безопасности.

* * *

По существу, вернуться на Кони-Айленд было совсем неплохой идеей. Копам никогда не пришло бы в голову искать ее там, особенно в столь поздний час. Да и напавшие на отца бандиты в жизни бы до такого не додумались. Они вообще не слишком привыкли думать. Зато они умели выслеживать: следили за Харлин до самого парка. Один наблюдал за ней в метро, другой – из окна машины уже на улице. Бандиты были уверены, что она приведет их туда, где Котяра припрятал награбленное в клубе. Добыча по праву принадлежала им. Раз уж Ник угодил в участок, он наверняка захотел бы проверить, что с деньжками все в порядке. Логично? Вот он и дочку втянул. Семилетнюю дочку. В три часа ночи.

Они на самом деле не привыкли думать. Да и детей у них явно не имелось.

Однако, так же, как сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время, глупые взрослые на протяжении тысячелетий превращают жизнь детей в ад.

Некоторые вещи неизменны.

* * *

Харлин понимала, что все огни в парке уже будут погашены, но все равно не представляла, до чего там будет жутко.

Аттракционы были выключены, игровые автоматы молчали, прикрытые специальными шторками. На некоторых из них шторки висели неровно, и было видно, что за ними скрывается. Харлин заметила тир с молочными бутылками, где им с отцом так и не удалось ничего выиграть.

Она подумала, не спрятаться ли ей там до утра (а заодно проверить свое подозрение, что бутылки приклеены к полке, с которой их предстояло сбить), как вдруг рядом послышался смех. Она уже слышала этот противный голос. Харлин дернулась, но чьи-то руки грубо схватили ее под мышки и подняли в воздух.

– Нет, ты только погляди, прелестная дочурка Ника решила опять посетить парк, когда здесь не таклюдно! – громила повернул ее лицом к себе. – Надо же, какое совпадение! Мы тоже так решили.

Поймал ее тот, что пониже ростом. Именно он держал ее отца, чтобы напарнику было удобнее бить. Высокий стоял рядом, сердито меряя ее взглядом.

– А ведь нас так и не представили друг другу, – продолжил низенький. – Я вот Тони, а это, – он кивнул на приятеля, – мой коллега, которому очень подходит его звучное прозвище Гвоздь.

– Она ж не знает, что такое прозвище, – проворчал Гвоздь.

– Знаю, – воскликнула Харлин. Тони опустил ее на землю, но продолжал крепко держать за плечо. – Отпустите, мне больно! – она постаралась, чтобы голос ее звучал жалобно.

– Ничего тебе не больно, – прорычал Гвоздь.

– Конечно, не больно, – согласился с ним Тони. – Видишь ли, Гвоздь у нас нечто вроде специалиста по боли. Если бы я действительно причинил тебе боль, он бы сразу почувствовал. А будешь вырываться, мне придется разозлиться. Например, так.

Он сильнее сжал пальцы, глубоко вцепившись в ее плечо ногтями.

– Ой! – на этот раз в ее голосе зазвучали неподдельные слезы.

– Вот теперь Гвоздь согласился бы, что я переборщил, – Тони немного ослабил хватку: Харлин теперь было неприятно, но острой боли она не испытывала. – Чуешь разницу? То-то же. Ты вроде как умная малышка.

Тони тихо засмеялся:

– Эх, жаль, у нас нет одного из этих поводков, которыми детей привязывают. Могли бы привязать тебя, как щеночка, и притягивать обратно каждый раз, когда ты попытаешься сбежать. А сейчас стой смирно, пока мы дожидаемся босса.

Гвоздь шумно вздохнул.

– Ну, чего ещё? – в голосе Тони звучало раздражение.

– Ты вообще не знаешь, когда заткнуться, – проворчал Гвоздь.

– Да брось. Я только пытаюсь напугать девчонку... Кстати, тебя как зовут?

– Какая тебе разница, как ее зовут? – недовольно отозвался Гвоздь.

– Хорошие манеры никто не отменял, – резонно заявил Тони. – Нужно уметь находить с людьми общий язык.

– Это ты точно подметил, дорогуша, – вдруг растянула Харлин, имитируя фамильярную манеру официантки из кафе. – «Общий язык» – это действительно важно.

Громилы изумленно уставились на нее.

– Что ты сказала? – произнес Тони.

Хватка на плече чуть ослабла, но недостаточно для того, чтобы вырваться из его рук.

– Да чего там, я как начала работать у тех живчиков в фирме «Рвач и Хвач», я прям сразу поняла, что необходим этот самый «общий язык», – гнусаво продолжала Харлин, приговаривая, будто перекачивает во рту жвачку. – Сам понимаешь, людям нравится. Ты ж в этом деле мастак! – она легонько шлепнула Тони по животу. – Ты ж классный парень. Я как тебя увидела, сразу так и сказала своей подружке Мейбл. Мей, смотри, говорю, мне всего-то нужен классный парень. Может, он будет не богач и даже не красавец, но он должен быть классный!

Тони заржал и хлопнул себя по бедру свободной рукой. Как Харлин и надеялась, он чуть расслабил руку на ее плече. Гвоздь продолжал мрачно смотреть на нее, но держал-то ее Тони. Нужно заставить его смеяться так, чтобы он потерял бдительность.

– Так ты думаешь, я классный? – спросил Тони, задыхаясь от смеха. – Что ж, взаимно. Ты классная девчонка!

– Рада, что ты это заметил, я же в специальный класс ходила, – Харлин вспомнила шутку из одного телевизионного шоу. – Меня там научили классно разговаривать. Ведь я этого достойна!

Теперь Тони хохотал так, что больше не опирался на плечо Харлин. Гвоздь же следил за ней пристальным взглядом и наверняка хотел вцепиться ей в плечо. Вот если бы ей удалось чуть повернуться, чтобы Тони потерял равновесие и налетел на Гвоздя...

– Ну наконец-то, – внезапно произнес Гвоздь, глядя куда-то мимо нее и Тони.

Харлин обернулась. Сначала она увидела только грузную тень, направляющуюся в их сторону. Потом стало видно, что к ним приближался высокий широкоплечий человек с массивными руками и ногами. Даже пальцы у него были толстые: Харлин заметила блеск золотого кольца на мизинце. Мужик шел, задрав голову и выпятив грудь. Мама сказала бы, что он не любит ждать и всегда готов к неприятностям.

Она его узнала. Ей приходилось видеть фотографии Бруно Дельвеккьо в газетах и в новостях по телевизору. Папа говорил, что он начальник всех плохих парней, и все так его боялся, что выполняют любые его приказы.

Тони покрепче ухватил ее за плечо и выпрямился. Он перестал смеяться и вытер глаза свободной рукой.

– Привет, босс. Как дела?

– Что это тебя так развеселило? – рявкнул Дельвеккьо.

Харлин доводилось слышать этот вопрос в школе, и она знала, что правильно ответить на него невозможно. Вот и здесь было точно так же.

– Да все эта девчонка, – весело сказал Тони. – Вы бы только слышали, что она тут...

– Я не желаю ее слушать, – резко оборвал его мужчина. – Мне лишь нужно знать, как вы справились с делом.

Дельвеккьо превосходил ростом обоих громил, и Харлин сразу поняла, что он не просто смотрит на людей сверху вниз. Он смотрит на них *свысока*. На нем идеально сидел дорогой костюм, наподобие тех, что она видела в витрине ателье на пути в школу. Папа считал, что только крупные шишки могут позволить себе подобные вещи. Дельвеккьо выглядел бы очень стильно, если бы не золотой перстень на мизинце.

– Я так понимаю, Квинзель еще в участке? – надменно поинтересовался босс.

«Наверняка, хочет напомнить о своей важности», – подумала Харлин. Никто не должен забывать, *кто он такой*. Она глянула на Тони. Тот по-прежнему крепко держал ее за плечо, но теперь стоял чуть ссутулившись и опустив голову, словно боялся, что Дельвеккьо его ударит. Гвоздь, наоборот, держался прямо: ему, по всей видимости, не нравилось подчиняться приказам.

Харлин перевела взгляд с босса на подчиненных и внезапно поняла: Дельвеккьо знает, о чем думает Гвоздь, и специально злит его, показывая, кто тут хозяин. Эмоции на лицо – одного взгляда было достаточно. Они ведь даже не представляли, что Харлин читала их, как открытую книгу. Она же всего лишь ребенок!..

Господи, взрослые такие *идиоты*!

* * *

– Ладно, хватит бездельничать, – раздраженно бросил Дельвеккьо, повернувшись к Гвоздю. – Звони. Или произошло чудо, и ты сам до этого додумался?

Гвоздь, нахмурившись, достал телефон, сфотографировал Харлин и отошел в сторону к одному из закрытых на ночь игровых автоматов. Внезапная вспышка камеры испугала Харлин, и она с трудом удержалась от крика. Девочка *ненавидела* фотографироваться, потому что от вспышки у нее болели глаза. Даже попросила папу предупредить, когда он использует вспышку, чтобы успеть отвернуться. Папа же ответил, что лучше всегда отворачиваться от любой камеры.

Перед глазами закружились яркие пятна. Надеясь увидеть хоть что-то, Харлин быстро заморгала, перестав обращать внимание на происходящее, но застыла, услышав фразу: «... Шэрон все равно заплатит, хочет того Котяра-Ник или нет».

– Слишком ты в этом уверен, – произнес Дельвеккьо низким, высокомерным голосом. – Но надеюсь, ты прав.

– Конечно, прав, – заверил его Тони. – Шэрон только внешне тихоня-домохозяйка, но раньше она была врачом. В настоящей больнице.

– Неужели? – с притворным безразличием переспросил Дельвеккьо, однако Харлин уловила нотку интереса. Похоже, он чего-то не знал и не хотел, чтобы Тони об этом догадался.

– Ну да. Сдала экзамены, прошла, как положено, практику и получила диплом врача. А потом – бац! – и появился Котяра.

– Бац? – Дельвеккьо произнес это слово так, словно это было какое-то иностранное ругательство.

– Ну да, бац! У нее вмиг оказалось четверо детей и муж, которому вечно нужен адвокат, чтобы вытаскивать его из всяких передрыг. – Тони коротко хохотнул. – А вообще от нее может быть польза. Она могла бы стать вашим личным врачом.

– Если кому-то сегодня и понадобится врач, то точно не мне, – мрачно заметил босс как раз в тот момент, когда подошел Гвоздь.

– Едет, – довольно сообщил он, явно гордый удачно выполненным заданием. – Я велел ей позвонить, когда она будет на месте, чтобы мы сказали, где оставить пакет.

– Оставить пакет? – засмеялся Тони. – Ты что, в шпионы подался?

Зрение Харлин прояснилось, и она заметила, какими взглядами Дельвеккьо и Гвоздь уставились на Тони.

– Всегда лучше соблюдать приличия, – бросил Дельвеккьо и похлопал Гвоздя по плечу. – Молодец, отлично сработал. Пусть думает, что получит девчонку в обмен на пакет.

Гвоздь угрюмо посмотрел сначала на босса, а потом на Харлин.

– Я не могу спустить им это с рук, – продолжал босс. – Иначе все вообразят, будто меня можно обводить вокруг пальца. Люди должны помнить золотое правило: причины неудобства мне, и я превращу твою жизнь в ад.

Дельвеккьо глянул на Харлин и поморщился, словно от нее неприятно пахло.

– Копы еще какое-то время продержат Ника в участке. Кто-нибудь из вас должен будет заглянуть туда и объяснить ему, почему на этот раз никто не приехал, чтобы забрать его оттуда.

– Будет сделано, босс, – жизнерадостно отозвался Тони, точно Дельвеккьо попросил их присмотреть за цветами в квартире на время его отсутствия.

Харлин поняла: надо что-то делать и скорее. Тони выпустил ее плечо, полез за чем-то в карман, и Харлин, не раздумывая ни секунды, сорвалась с места.

– Держи ее! – заорал Дельвеккьо.

* * *

Они будто играли в прятки наоборот, подумалось Харлин, когда она мчалась через весь парк. «Я прячусь, а остальные меня ищут». Дышать становилось все труднее, заболели ноги, но она заставила себя прибавить скорость. Никогда прежде Харлин не бегала так быстро. Вот только это была не игра.

Бросившись наутек, она не успела подумать, где спрятаться. Ей предстояло спастись от громил, которые посчитали, что девчонка слишком напугана, чтобы шелохнуться, и не ожидали внезапного побега.

На самом деле Харлин еще ни разу в жизни так не боялась. Она не совсем поняла слова Дельвеккьо, но чувствовала, что им с мамой грозит опасность. Именно этот страх и вывел ее из оцепенения, заставив пуститься рысью.

Где-то позади орал Дельвеккьо, приказывая поймать ее. Дышать было тяжело, однако она боялась остановиться и передохнуть. Если бы за ней гнался только Тони, она бы легко от него улизнула: судя по пузу, спортзалам он предпочитал пиццу. Гвоздь был худым и поджарым, зато от него за милю несло мерзкой табачной вонью – он бы помер от кашля и удушья раньше, чем успел ее догнать. Дельвеккьо вряд ли способен даже на быстрый шаг – по его приказу бегали другие.

Но сейчас за ней охотились все трое. Они могли разделиться, окружить ее. Нужно было сообразить, как их перехитрить. Дело осложнялось еще и тем, что Харлин не представляла,

в каком месте парка находится. Сердце колотилось так, что заглушало ее тяжелое дыхание. Вокруг становилось темнее, перед глазами опять поплыли яркие пятна.

Тем не менее, зажмуриться и отдохнуть она не могла. Харлин пыталась заставить себя бежать еще быстрее, но ноги словно налились свинцом, совсем как в тот раз, когда она поспорила с Бенни, что сможет пробежать по лестнице шесть раз. Он поставил доллар, а когда она выиграла, этот жадина отказался платить.

Харлин чувствовала, что силы иссякли. Что ж, если не удастся убежать, пора придумать что-то другое. Парк большой, но не бесконечный, рано или поздно она выйдет к ограде. Лазить через забор Харлин умела прекрасно. Может, удастся перебраться через ограду и удраť прежде, чем они поймут, куда она делась? Будут накручивать круги по парку, даже не подозревая, что ее там больше нет.

Вот только мама тоже не будет знать, где она.

Мама приедет в парк, и громилы сделают с ней что-то плохое. Нужно было найти маму первой, чтобы они успели убежать вместе. Скорее всего, мама подойдет к главному входу, позвонит и сообщит, что она на месте. Харлин сомневалась, что мамочка полезет под воротами.

Спрятаться где-нибудь поблизости от главного входа? Или вылезти тем же путем обратно и надеяться, что встретит маму снаружи? Вспыхнувшая было надежда угасла. Харлин сообразила, что не имеет ни малейшего представления, в какой стороне главный вход.

– Вон она! Сюда!

Гвоздь! Сердце Харлин заколотилось, и она рванула наобум мимо огромных мрачных строений, низких зданий и странных темных предметов, которые с одинаковой вероятностью могли быть мусорными баками, спящими роботами или еще какими-нибудь странными созданиями. Внезапно она заметила знакомую высокую, узкую стойку: аттракцион «Силач». Играющий ударом молота загонял планку на столбе на самый верх. Папе удалось поднять планку только до половины столба, а за половинку приз не полагался. Харлин сказала ему, что это не важно, все равно он самый сильный. К тому же, никому все равно не удалось превзойти его результат.

«Силач» находился прямо перед павильоном с аттракционами. Увидев в лунном свете поблескивающую вывеску, Харлин вспомнила, что американские горки где-то рядом, и замедлила шаг. Они с папой три раза подряд прокатились на горках, но потом он сказал, что ему не помешало бы передохнуть. А ведь сегодня был самый лучший день в ее жизни. Точнее, вчера. Сейчас казалось, что все это было лет сто назад.

Все ведь было так замечательно, ну почему потом стало так плохо?

* * *

Харлин вспомнила слова папы о том, что в перекрещивающихся тенях под горками можно легко спрятаться от преследователей. Подумав, что ночью увидеть ее будет еще труднее, она побежала к аттракциону, с трудом представляя, как проберется в самый центр. Оставалось надеяться, что вход найдется. Рабочие же как-то туда попадают? Папа говорил, почти везде есть вход для обслуживающего персонала, просто люди обычно его в упор не видят.

Харлин попыталась вспомнить, что еще говорил отец про рабочих, как вдруг ее ослепила яркая вспышка. Прежде чем она успела вскрикнуть, кто-то схватил ее за ногу и она упала, оцарапав колени и локти об асфальт.

– Черт возьми, Гвоздь, – растянул Тони, – ты и в самом деле гений.

– Если под «гением» подразумевать «не полный идиот», то ты прав, – усмехнулся Дельвекко.

Знакомая тяжелая рука ухватила Харлин за плечо и поставила на ноги.

– Отпусти! – она была, скорее, зла, чем испугана, и пообещала себе отомстить Гвоздю за то, что тот направил луч фонарика ей прямо в лицо.

Глаза заболели, будто в них попали раскаленные иглы. Видела Харлин еще хуже, чем в прошлый раз: сколько бы она ни моргала, перед глазами плавали огромные лиловые пятна.

– Даже не знаю, что бы мы делали, если бы ей удалось удрать, – Тони крепко сжал ее руку. – Шэрон никогда не отдала бы нам деньги без девчонки.

Наступила пауза. Потом Дельвеккьо отрезал:

– Может, ты и правда гений, Гвоздь.

– Может, и так, – буркнул тот в ответ, но, судя по недовольному голосу, за комплимент он слова босса не принял.

– Снимаю шляпу перед таким... – начал было Тони, на что Дельвеккьо рявкнул:

– Заткнись!

– Как скажете, босс.

Тони потащил Харлин обратно по дорожке.

У девочки выступили слезы. Громила прекрасно понимал, что делает ей больно. Как он мог вести себя подобным образом после того, как она его рассмешила? Заставляя людей смеяться, ты делаешь их жизнь приятнее, и они проникаются к тебе симпатией, а не причиняют боль. Почему же Тони поступал так жестоко?

Ничего, она еще отомстит им обоим: и Тони, и Гвоздю.

– У меня есть незаконченные дела, – нарушил тишину Дельвеккьо. – Если я вас оставлю, вы точно справитесь с доктором Квинзель или как там ее по имени?

– Можете на нас положиться, босс, – гордо заявил Тони, а Гвоздь добавил:

– Считайте, она уже мертва. О девчонке тоже позаботиться?

– Ни в коем случае. Когда я вернусь, она должна оставаться целой и невредимой.

Харлин по-прежнему ничего не видела, но почувствовала, как Дельвеккьо ощупал ее сбитые коленки и расцарапанные руки.

– Я приведу клиента, – ухмыльнулся мужчина. – Он в некотором роде большой ценитель магической красоты юного возраста, особенно когда возраст выражается однозначным числом. За качественный товар он отвалит кучу денег. Ничего, от него не убудет.

Харлин замутило.

Дельвеккьо тоже поплатится.

– Жаль, что она оцарапалась, – добавил босс. – Впрочем, уверен, во всех остальных смыслах она абсолютно... хм-м, неповрежденная.

– Как скажете, – заулыбался Тони.

Зрение вернулось, и Харлин проследила, как Дельвеккьо удаляется уверенным шагом. *«Подожди, я до тебя доберусь»*, – подумала она, глядя ему в спину. *«Даже если мне понадобится двадцать лет, я отомщу тебе за то, что ты разрушил мой самый лучший день»*.

– Ох, как же я рада, что этот тип наконец слинял, – заявила она голосом крутой девчонки из Бруклина. – От его морды даже молоко скиснет. Он вообще не знает, как повеселиться? – Она ткнула Тони в живот пальцем, плечо, которое он сжимал, онемело. – Правда? Я ведь права? Ты знаешь, что права, не так ли?

Тони рассмеялся, но далеко не так охотно, как прежде.

Стоило придумать что-то новенькое.

– Эй, он что, среди воздушных шариков вырос? Боится лопнуть, если улыбнется?

Тони усадил ее на скамейку возле «Силача», но плеча не выпустил. Харлин больше не чувствовала свою руку.

– Ты бы сел, дорогуша, – хихикнула она. – В ногах правды нет.

Тони, улыбаясь, плюхнулся рядом, а она повернулась к Гвоздю, висевшему над ней мрачной глыбой. Прочистив горло, она спросила:

– Может, поговорим?

– Замолкни, мелюзга, иначе я тебе сам рот заткну! – Прорычал Гвоздь с напугавшей ее свирепостью.

– Господи, да тише ты, – удивился Тони. – Сдается мне, у тебя серьезные проблемы с агрессией.

– И ты тоже заткнись, – гаркнул Гвоздь. – По сравнению с тобой, я и в самом деле Эйнштейн. Понять не могу, почему Дельвеккьо хочет, чтобы мы работали вместе.

– Да какая тебя муха укусила?

– Дельвеккьо велел пришить ее мамочку, а потом еще и передать эту девчонку своему озабоченному приятелю, – Гвоздь поставил ногу на скамейку и навис над Тони. – И это у меня проблемы с агрессией?

– У тебя, – не отступал Тони. – Тебе бы поговорить об этом с кем-нибудь.

– Эй, нам всем иногда нужно с кем-нибудь поговорить, – вмешалась Харлин, продолжая разыгрывать крутую бруклинскую девчонку.

Тони и Гвоздь обернулись к ней и в унисон рявкнули: «Заткнись!»

– Не перебивай, когда взрослые разговаривают, – твердо сказал Тони. – Это невежливо.

Гвоздь отвернулся и поднял глаза к небу, всплеснув руками, сказал:

– Господи, за что мне такое наказание?

Харлин не удержалась:

– За то, что нет в тебе класса, – она быстро глянула на Тони. – Кто-то же должен был ему в этом признаться. Я ведь права, да?

– Все, с меня хватит! – Взбеленился Гвоздь, выхватывая пистолет.

Тони мгновенно прекратил смеяться, вскочил и попытался отобрать оружие у напарника. Едва он отпустил ее плечо, Харлин со всех ног бросилась бежать к павильону аттракционов.

3

Сейчас в павильоне стояла пугающая атмосфера. Здание погрузилось в темноту, лишь кое-где тускло светились таблички, указывающие на вход и выход. Вообще-то Харлин не боялась темноты, и все же она чувствовала себя напряженно – тем более, что за ней гнались двое преступников.

Осторожно пройдя по коридору, она наткнулась на ту самую дверь, которую они с папой открыли по ошибке, думая, что за ней выход из павильона. Она сама не знала, как это поняла. Возможно, ручка показалась знакомой на ощупь.

Харлин беззвучно скользнула внутрь.

В воздухе витал удушливый запах опилок и химикатов. Возможно, ей не стоило здесь находиться, и все же она ощупью пробиралась вперед. Комнатка была маленькой, нигде не спрячешься. Громилы заявятся сюда в первую очередь. У Гвоздя в телефоне фонарик...

Споткнувшись обо что-то в темноте, девочка упала на кучу пластиковых бутылок и банок с краской. Если бандиты уже в павильоне, они не могли не услышать шум. Харлин прикусила губу, с трудом сдерживая слезы. Она лежала очень тихо, прислушивалась, не раздадутся ли рядом голоса. Ничего. Единственное, что она слышала – барабанный стук собственного сердца.

Наконец она вновь поднялась на ноги и медленно двинулась вдоль стены, ступая очень осторожно, чтобы не налететь на новое препятствие. Заодно Харлин пыталась вспомнить, как комната выглядела при свете.

Внезапно перед ней оказалась еще одна дверь. Харлин вздрогнула: когда они с папой зашли в эту каморку, второй двери они не заметили. Она оказалась не заперта, но, увы, за ней притаилась лишь небольшая подсобка. У одной стены стояли стеллажи, на другой висели на крючках инструменты. Возле стены, что была напротив двери, стоял высокий металлический шкаф. Открыв его, Харлин обнаружила ряды переключателей. «Прямо как у нас дома», – подумала она.

Папа научил ее обращаться с электрическими пробками. Их было очень много, но он показал ей, какие отвечают за их квартиру, и объяснил, что свет порой выключается из-за перегрузки. Когда такое случается, нужно дернуть выключатель вверх. Папа даже показал, как это делается, и велел не трогать остальные пробки, особенно те, что относились к чужим квартирам.

Маме это, разумеется, не понравилось. Она заявила, что Харлин слишком маленькая, чтобы возиться с электричеством. Папа же ответил, что иногда, когда его не будет дома, а мама не сможет выйти из квартиры, если, например, заболеет кто-то из малышей, Харлин придется брать на себя ответственность.

Приглушенный звук голосов вернул ее к реальности. Если не отвлечь чем-то Тони и Гвоздя, они быстро найдут эту комнату. Протянув руку, она повернула все основные переключатели. В павильоне вспыхнул свет, оглушительно заиграла музыка и раздались взрывы безумного хохота. Атракционы ожили. «Тони и Гвоздь будут так ошеломлены этой какофонией, что не поймут, где искать», – подумала Харлин. Вдруг ей повезет, и она убежит через заднюю дверь прежде, чем они поймут, что произошло?

А может... может, ей даже удастся им отомстить.

Девочка вернулась в подсобку и огляделась.

На полу рядом с банками, лежал пояс с инструментами. Рядом обнаружили пачки разноцветных блесток и несколько разнокалиберных бутылок. В том числе с суперклеем. Харлин улыбнулась. Пояс оказался слишком велик, и, поразмыслив, она перекинула его наискось через плечо, будто ленту победительницы конкурса «Мисс Америка». Теперь пояс висел надежно, в

удобные кармашки можно было спрятать все необходимое. Харлин набрала несколько пакетов с блестками, флаконы-распылители с краской и упаковки с суперклеем.

Харлин собиралась приоткрыть дверь, но внезапно замерла, вцепившись в ручку. Она понимала, что нельзя бесконечно прятаться в мастерской. Ее обязательно найдут и сделают так, чтобы она уже больше не сбежала. А потом вернется Дельвеккьо, и все станет совсем плохо.

К тому же, они намеревались убить маму. Она *должна была помочь маме*.

Харлин приоткрыла дверь и осторожно глянула в щелочку. Сквозь гремящую музыку и истерических смех донесся злой вопль Гвоздя:

– Я прибью эту маленькую дрянь! И того, кто ей помогает!

Харлин невольно усмехнулась.

Скрючившись за одним из кривых зеркал, она прислушивалась к голосам бандитов, пытаясь понять, где они. Шум мешал, но если сосредоточиться, можно было уловить обрывки проклятий Гвоздя и его обещания разнести ей голову.

– Ты только мне голову по ошибке не отстрели, – подметил Тони.

Харлин почему-то не сомневалась, что если Гвоздь и пристрелит Тони, то вряд ли по ошибке. Учитывая его нрав, Тони находился в не менее шатком положении. Впрочем, Тони не так уж и отличался от своего напарника. Гвоздь ненавидел ее, но Тони даже не воспринимал ее, как человека: просто предмет, который ему приказали охранять, пока босс не вернется со своим дружком-извращенцем. Харлин слышала разные истории про извращенцев, но никто так ей и не объяснил, что конкретно они делали с детьми, из чего она сделала вывод, что это было как-то связано с сексом. Она знала, что от секса рождаются дети, но не знала в точности, как это происходит, а, руководствуясь собственным опытом ухода за тремя маленькими братиками, даже не хотела знать. Тем не менее, в кое-чем Харлин не сомневалась: если у взрослых от секса бывают дети, то взрослые явно не должны заниматься сексом с детьми.

Ей необходимо было сбежать, пока Дельвеккьо не вернулся со своим приятелем. Фу!

Харлин выглянула из-за зеркала и метнулась к вертикальным валикам.

Внезапно позади раздался крик Тони:

– Я ее вижу! Вон она!

Харлин сунула руку в один из кармашков пояса и обернулась. Тони подошел почти вплотную и попытался схватить ее, но она ловко швырнула ему в лицо пригоршню золотых блесток. Мужчина взвизгнул, споткнулся и упал на колени, отплевываясь и пытаясь протереть глаза. Харлин рассмеялась, сжала тюбик с клеем, разбрызгивая его вокруг, и позволила валикам утащить ее назад. От сильного запаха ей стало дурно. На этикетке было указано, что клей прочный и быстросохнущий. Она надеялась, что он не высохнет до тех пор, пока Тони и Гвоздь не испробуют его на своей шкуре.

Харлин запрыгала с плитки на плитку покачивающегося пола. Они с папой мигом вычислили, как пересечь этот участок, чтобы не упасть. Хихикнув, она побрызгала клеем на движущиеся пластины. Отличная забава! Вот смеху будет, когда громилы проберутся сквозь валики и попытаются пройти это препятствие.

Лучше любого цирка с клоунами!

– Сними пиджак! – Заорал Гвоздь.

– Но он совсем новый... – В ответ заныл Тони.

– Брось его!

– Ты бы помог, что ли. Я руку не могу вытащить.

Харлин услышала звук рвущейся ткани.

Несмотря на то, что валики были обиты мягким материалом, человека они тащили очень сильно. Показалась голова Тони: волосы и лицо у него по – прежнему переливались золотыми блестками.

– Да вот же она! – закричал Тони. – Эй ты, девчонка, как там тебя зовут, а ну стой!

Он что, на самом деле полный идиот? Харлин засмеялась и покачала головой.

– Стой на месте, кому говорят! – несколько секунд Тони изо всех сил протискивался сквозь валики и наконец выбрался наружу без пиджака и в рубашке с оторванными пуговицами. Рубашка распахнулась, обнажая жирную, волосатую грудь.

Гвоздь вынырнул позади. Он лишился пиджака и галстука, кобура сбилась набок, а лицо побагровело от ярости.

– Ах ты, мелкая дрянь, я тебя прикончу!

– Сперва поймай меня, – протянула Харлин голосом бруклинской девчонки.

От злости бандиты не сразу заметили, что пол под ногами шатается. Харлин же от души веселилась. Громилы рванули вперед, чтобы схватить ее, но вдруг рухнули друг на друга. Девочка не удержалась от хохота, наблюдая, как они силятся встать. Неужели после ее проделки с валиками, они не заподозрили неладное?

Неужели они настолько глупые?

Нет. Они не сомневались, что *она глупая*. Что делало их еще бóльшими идиотами.

За ними было так смешно наблюдать. Пока они пытались подняться с уходящего из-под ног пола, она достала баллончик с краской, наклонилась и выкрасила их лица в ярко-синий цвет. Бандиты взвыли от злости и боли. Они хотели протереть глаза, вот только руки у них намертво приклеились к полу. Внезапно Тони издал душераздирающий вопль: ему удалось оторвать руку, оставив на полу здоровенный лоскут кожи.

«Отлично, – подумала Харлин. – Болеть будет не одну неделю».

– Ах ты, мерзавка, – прорычал Гвоздь, по лицу которого, подобно ярко-синим слезам, стекала краска. – Клянусь богом, я тебя прикончу.

Его ладонь по-прежнему не двигалась, и он старался ее отодрать, не сорвав при этом кожу. Ноги у него прилипли к пластинам, скользящим в разные стороны с разной скоростью. Тони же просто скулил от боли.

– Мне нужно чем-то обернуть ладонь, – простонал он, вцепившись в рубашку Гвоздя. – Оторви рукав, я забинтую рану.

– Отвали!

Гвоздь стремительно отстранился, но Тони продолжал сжимать его локоть. Пока они толкались, пистолет Гвоздя выпал из кобуры. Тони потянулся к оружию, но Гвоздь схватил пистолет первым.

– Убери оружие, – всхлипнул Тони, – пока ты не...

Раздался оглушительный звук. Харлин отшатнулась и упала. В ушах у нее зазвенело. Сначала ей показалось, что взорвался весь павильон. Сильно завоняло гарью, словно прямо перед ней вспыхнул ящик фейерверков. Она села, придерживая пояс. Никакой это был не фейерверк. Гвоздь выстрелил в своего напарника, и теперь у Тони не было лица. Пластины продолжали ездить из стороны в сторону, а Тони по-прежнему стоял на коленях, вцепившись в рукав Гвоздя, чтобы оторвать кусок ткани и перебинтовать ладонь. Наверное, если бы напарник не прострелил голову Тони, его лицо скорчилось бы в жалобную рожу, мол: «*Видишь? Я же тебе говорил!*».

Гвоздь смотрел на него во все глаза, будто это была очередная глупая выходка Тони. Через пару секунд мертвое тело свалилось на пол, медленно и грациозно, словно умирающий лебедь на балетной сцене.

Это была последняя капля. Харлин расхохоталась.

Она смеялась так долго и так громко, что у нее вновь зазвенело в ушах. Попыталась встать и тут же повалилась обратно, держась от хохота за живот. Пояс сполз с плеча, бутылочки с краской, клеем и блестками рассыпались вокруг. Но девочка все равно смеялась и не могла успокоиться. Откатившись подальше от окровавленного трупа, она продолжала хохотать, молотя по полу руками и ногами.

– Ты просто бесчувственная маленькая мразь! Выродок! Думаешь, это смешно?

Разъяренный голос привел Харлин в чувство. Перестав смеяться, она вскочила. Гвоздь никак не мог выпрямиться. Его пистолет тоже прилип к полу.

– Хочешь повеселиться? – Искривленное яростью лицо Гвоздя походило на уродливую, синюю маску. – Дай мне только выбраться отсюда, и я покажу тебе, как смеяться.

Харлин огляделась, заметила дверь с надписью «Выход» и ринулась к ней.

«Из этой истории получился бы отличный мультфильм», – подумала она. Взрослый мужчина гоняется за маленькой девочкой в темноте по парку, крича, что он заставит ее подавиться собственным смехом.

Впрочем, до этого лучше не доводить.

Харлин не собиралась проверять, удалось ли Гвоздю оторвать пистолет от пола. По задумке, громила должен был застрять там, задыхаясь и кашляя от ярости, и все же он продолжал ее преследовать. Бандит неумолимо гнался за ней. Онаглянула назад, и ей показалось, что Гвоздь совсем близко.

Девочка побежала быстрее, преодолела ту часть парка, где располагались кафе, и очутилась на пляже. Может, удастся спрятаться в одной из игровых кабинок? Или лучше прыгнуть в воду? Вдруг Гвоздь не умеет плавать? Она быстро отвергла эту мысль: все взрослые умели плавать. Или, по крайней мере, большинство из них.

Правда, многие из них плавали плохо и отказывались лезть в воду в одежде.

Но из одежды на преступнике были только трусы, рубашка и ботинки: все остальное приклеилось к полу павильона аттракционов. Харлин надеялась, что он не сразу решится прыгнуть в воду за ней, и она успеет отплыть подальше. Вряд ли он сможет задержать дыхание так долго, как она. Особенно после погони. У самой Харлин дыхание пока еще не сбилось: занятия гимнастикой выработали выносливость.

Добежав до пирса, девочка свернула направо, пристально разглядывая мерцающую поверхность воды. Она прыгнет с пирса, словно летучая рыбка...

Неожиданно чудовищный вес придавил ее к деревянным доскам.

– Ну что? – просипел ей на ухо Гвоздь. – Тебе все еще смешно?

Он придавил ее коленом, чуть не раздавив, будто мышку. Ей не удавалось даже набрать в легкие воздух, чтобы закричать. Вдруг он схватил ее за шею и рывком поднял на ноги. Бандит запыхался. Голос у него звучал особенно злобно.

– Знаешь, что еще веселее? Этот извращенец, приятель Дельвеккьо. Если тебе так уж понравилась мертвая рожа Тони, то там ты вообще помрешь от смеха. – Гвоздь швырнул ее навзничь и встал перед ней на колени. – Давай я покажу, что тебя ждет...

– Немедленно отпусти ее, сукин сын!

Раздался громкий удар. В лицо Харлин брызнула кровь. Голова бандита дернулась в сторону, да так, что тот стукнулся ухом о плечо. Потом он повалился на бок, и Харлин увидела перед собой женщину с огромным молотом в руках.

– Мамочка! – Харлин бросилась в ее объятия и прижалась лицом к маминому плечу.

* * *

Мама молча прижала ее к себе. Харлин чуть было не расплакалась, но мама не плакала: она была сильной и смелой и она по-прежнему сжимала в руке увесистый молоток.

Харлин решила, что тоже станет такой же сильной и смелой, как мама.

Однако вскоре Харлин вновь едва не разрыдалась, пока рассказывала маме обо всем, что случилось: о бандитах, которые избили папу, и о том, как наплевательски к нему отнеслись полицейские. Мама слушала с серьезным лицом. Глаза у нее оставались сухими, и Харлин тоже старалась вести себя спокойно.

После рассказа мама отпустила ее и взглянула на Гвоздя, неподвижно лежащего на досках пирса.

– Ну-ка поддержи, – она отдала девочке молоток.

Глаза Харлин расширились, когда она осторожно взвесила инструмент в руках. Молот оказался тяжелым, но, к ее удивлению, куда легче, чем ей представлялось. Пожалуй, она и сама могла бы им воспользоваться... Она внимательно его осмотрела: ручка – гладкая, отполированная тысячами рук тех, кто бессмысленно ударял им, дабы заставить зазвенеть сигнал игрового автомата. Никому это не удалось, даже ее папа заставил пластину взлететь только до половины столба.

«Дело тут вовсе не в молоте», – внезапно подумала Харлин.

Молот много весил, но чтобы колокол зазвенел, требовалась не только сила мускулов, но и сила духа.

Ее мысли прервал всплеск. Тело Гвоздя исчезло, мама скинула его в воду.

– Ну что, пойдем домой? – совершенно спокойно спросила она, словно то был конец дня, а не середина ночи.

Харлин кивнула и подняла молот:

– Можно взять его с собой?

– Конечно, – улыбнулась мама, – только кровь сперва вытри.

– Ага, – согласилась девочка. – Я помою, а то как-то противно!

4

Папа ждал их дома, когда они вернулись. Недавно взошло солнце. Мама велела дочери немедленно отправляться в кровать и пообещала разбудить ее позже, правда, Харлин уснула не сразу и услышала, как папа рассказал, что один из приятелей внес за него залог. Когда же настал черед мамы рассказывать, что она думает по поводу его друзей, девочка уснула. Это она слыхала и раньше.

Спалось ей крепче обычного. Так крепко она засыпала разве что после тренировок по гимнастике, когда тренер вовсю гоняла ее, а потом еще заставляла час делать упражнения на растяжку. Однако в этот раз она устала не только физически, но и эмоционально. Она испытывала нечто подобное, когда родители сильно ссорились, и мама вытаскивала чемоданы, кидала в них вещи, крича, что с нее и с детей хватит.

Едва Харлин прикрыла глаза, ее поглотили странные сны. Не кошмары, но все равно неприятные. Снились сердитые люди, которые не знали, как решить свои проблемы и винили в них остальных. Во сне Харлин искала родителей. Она знала, что они где-то рядом, может, в соседней комнате или через улицу, или на другом этаже, но никак не могла их найти. Возможно, они тоже не видели ее, занятые своими вечными спорами, или же видели, но не хотели помочь.

Проснувшись Харлин в полдень. Неохотно разлепила веки, чувствуя, как тяжела голова. Войдя на кухню, она обнаружила родителей, сидящих за столом друг против друга. При ее появлении они удивились, точно вообще забыли, что она дома. Наверное, не ожидали, что она встанет так рано.

Мама сделала ей бутерброд с колбасой и сыром, налила большую чашку томатного супа и поставила все это на маленький столик у телевизора. Должно быть, дела шли плохо: как правило, мама не позволяла ей есть перед телевизором. Братиков отвели или к миссис Ди Анжели, или к Поле, соседке, живущей дальше по коридору, которая в очередной раз потеряла работу и сидела дома.

Дело шло *действительно* плохо.

Мама увеличила громкость телевизора, чтобы Харлин не слышала, о чем они с папой говорили на кухне. Голоса у них казались тихими и напряженными, что являлось еще одним плохим знаком.

Обычно чем дольше они говорили такими голосами, тем хуже становилась ситуация.

Уж лучше бы они накричали друг на друга. Тогда Харлин бы твердо знала, что в конце концов все наладится. Она не любила, когда родители ссорились, ведь они бросались громкими, неприятными словами, и все же, когда напряжение нарастало и они все злее кричали, они выпускали пар. После чего – мирились.

Харлин ненавидела, когда родители ссорились, пусть им и становилось легче после серьезной перебранки. Она подолгу тихо плакала в подушку. Как люди, любившие друг друга, любившие ее и малышей, могли быть такими жестокими друг к другу? Почему они не понимали, что всем от этого плохо? Иногда они кричали так громко, что ей казалось, будто они разлюбили и ее, и братиков.

Очень хотелось поговорить об этом с родителями, но она понятия не имела, какие подобрать слова. Ещё чего доброго решат, что она считает их ужасными людьми или не любит их. Однако временами они на самом деле вели себя совершенно несносно, и в такие минуты ей казалось, что, может, любви они не заслуживают.

Тем не менее, Харлин любила родителей всем сердцем и душой. Ее пугала даже мысль о том, что однажды они ее покинут. Любила она и маленьких братиков.

Единственное, без чего она вполне бы обошлась, так это без грязных подгузников.

Возможно, ей стоило попробовать приучить братцев к горшку? Подгузники стоили денег, и, если бы маме с папой больше не приходилось на них тратить, может, они почувствовали бы себя счастливее и перестали ссориться и разговаривать таким напряженными голосами?

* * *

Весь следующий день Харлин провела в ожидании, что родители вновь поссорятся, но этого не случилось. Они вообще перестали разговаривать. Настроение у всех было ужасным. Иногда девочке казалось, что стены их дома выстроены из боли.

Собрав волю в кулак, Харлин хотела отпроситься погулять на детскую площадку, хотя после случившегося не сомневалась, что родители еще долго ее никуда непустят. А может, сходить к миссис Ди Анжели или Поле, помочь с малышами? Нет. Харлин вовремя вспомнила, что обе возьмут дополнительные деньги за присмотр за ней, независимо от помощи. Принести малышей обратно так же не было лучшей идеей: в доме царила столь гнетущая атмосфера, что они бы плакали, не переставая. И были бы правы.

Харлин свернулась калачиком на диване, подобрав ноги, и невидящими глазами уставилась в экран телевизора. Она даже не понимала, что именно смотрит: телепередачу или DVD-диск. Вчерашний день, который должен был стать самым лучшим днем в ее жизни, терял очертания. Вчера ее сердце светилось от счастья, а сегодня душу заволокли пустота и одиночество. Ей подумалось, что узники в тюрьме, наверное, ощущают нечто подобное. Что ж, ссоры родителей являлись куда более жутким наказанием из всех, что ей приходилось испытывать. Даже когда ее отчитывали за шалости, она не чувствовала подобной грусти. Ей казалось, она не сможет пережить больше ни мгновения в этом доме! Но минуты проходили одна за другой. Одна за другой.

Харлин пришла к выводу, что во всем виноваты полицейские.

Если бы они отнесли к ее папочке как положено, составили бы отчет о нападении, а потом отвезли их домой, сейчас все было бы в полном порядке. День закончился бы не идеально, но зато прошлую ночь она провела бы в своей постели и утром проснулась как обычно, не превратившись в ходячего зомби, запертого в доме, полном боли.

Однако полицейские настаивали, будто *это ее папа* совершил нечто плохое. И пока они страдали ерундой, настоящие бандиты схватили Харлин и попытались заманить в ловушку ее маму! Интересно, копы вообще в курсе о Дельвеккьо и его приятеле-извращенце?

День никак не кончался.

Время тянулось издевательски долго. Родители забыли забрать малышей у соседки, и Харлин не на шутку разволновалась. Вновь слышались их тихие голоса, правда вскоре мама с папой умолкли, но только затем, чтобы снова разразиться новыми криками. Харлин еле сдерживала слезы. Каждый раз, когда она нервничала или пугалась, папа говорил, что надо сосредоточиться на будущем, представить следующую неделю, когда все неприятности уже останутся позади. Увы, сделать это ей никак не удавалось. Напротив, появилось ощущение, что она увязла в ужасе навсегда.

Далеко за полдень мама опять достала чемоданы. Харлин убежала в спальню, рухнула на кровать и натянула одеяло на голову. Мама принесла малышей и попросила Харлин присмотреть за ними. К большому удивлению они не капризничали и не плакали. Даже Эззи, самый младший, и тот не ревел.

Через какое-то время мама принесла еду для Барри и Фрэнки, дала Эззи бутылочку со смесью и вновь вышла. Харлин кормила малышей и слушала, как голоса родителей становятся все громче и громче.

– Ну вот, почти все, – пообещала она, ласково укачивая брата. – Скоро все закончится.

Барри и Фрэнки свернулись на полу в своих одеяльцах и уснули. Эззи не плакал, только смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Заплакал он, когда родители в очередной раз начали кричать друг на друга. Он ревел и ревел, не переставая, но Барри и Фрэнки даже не проснулись. Харлин спела ему все песенки, какие только знала, рассказала все смешные стишки, но малыш не унимался. За его ревом она едва слышала родителей. Ей вдруг подумалось, что Эззи, наверное, затем и плачет, чтобы заглушить голоса папы и мамы, в которых столько злости.

«Если бы они меня сейчас спросили, я бы сказала, что ненавижу их», – подумала Харлин и первый раз в жизни не почувствовала вины. Вина лежала на их плечах, но они не обращали внимания. Взрослые всегда делают то, что хотят, а детям только и остается, что с этим мириться.

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем мама и папа перестали кричать и принялись извиняться. Эззи утих и вскоре уснул. Харлин же пришлось и дальше слушать родителей.

– Прости меня.

– Нет, это ты прости.

– Нет, это моя вина, я знаю, как нам сейчас тяжело. Вот увидишь, я исправлюсь.

– А я обещаю, что все улажу, буду больше работать...

«Проклятые копы», – выругалась Харлин, жалея, что не может уснуть, как малыши. «Они все испортили».

Подкравшись к двери, девочка слегка ее приоткрыла. На кухне папа держал маму на коленях и обещал, что вчерашние события больше никогда-никогда не повторятся. Говорил, что они должны держаться друг друга и что они преуспеют.

Папочка оказался почти прав. Его посадили в тюрьму¹.

¹ Игра слов: “going places” – отправиться в различные места и “went to prison” – оказаться в заключении; получить тюремный срок. (Прим. ред.)

5

Семнадцатилетняя Харлин Квинзель чувствовала себя великолепно. Она находилась именно там, где хотела, и, казалось, еще немного, и она засверкает от счастья. Сегодня был поистине отличный день. Многолетние занятия гимнастикой, из-за которых мамочка на всем сэкономила, бесконечные тренировки, бесконечные попытки добиться лучшего – все вело к этому дню. Ради него Харлин старательно училась, покоряя новые высоты, никогда не отлынивала от уроков, чтобы прогуляться с друзьями по торговому центру. И вот этот миг настал. Все ее усилия должны были принести плоды, в точности как она планировала и как говорила ей мать. Мама не сомневалась в ее блестящем будущем. Иногда ее вера в Харлин была сильнее, чем у самой Харлин. Мать верила в нее с такой силой, словно уже видела предзнаменования, что дочка поступит в колледж и получит стипендию на все четыре года обучения.

Наверное, поэтому мать и не посчитала нужным присутствовать в зале.

На всякий случай Харлин еще раз оглядела трибуны, но, как и полминуты назад, маму она нигде не нашла. По крайней мере, друзья Харлин сидели в зале.

– Следующий! – объявил громкоговоритель. – Харлин Квинзель!

Друзья замахали руками и завопили: «*Давай, Харлин, вперед! Ты лучше всех!*»

Харлин поднялась со скамейки и грациозно прошла в угол упругой гимнастической платформы. Кивнула ребятам в знак того, что рада их видеть.

Мамы по-прежнему не было.

Отца тоже. Его обещали отпустить через несколько месяцев: он слыл образцовым заключенным. Если бы он еще слыл *образцовым гражданином*... Тогда он бы вообще не попал в тюрьму, и сейчас оба родителя сидели бы на трибунах.

«*Мечтать не вредно*», – подумала девушка. В ее жизни не оставалось места грезам. Она всегда рассчитывала только на себя и уже давно смирилась со своей участью.

Харлин подняла руки. Зазвучали первые аккорды «Шехерезады» Римского-Корсакова. Она почувствовала, как радостно забилося сердце, и взлетела в воздух. Два полных сальто, «колесо». На миг она застыла спиной к трибуне, потом изящно изогнулась и вышла в стойку на руках. Не двигалась пару мгновений, а затем сложилась пополам, опуская ноги почти до пола, но не касаясь его. Выпрямилась, сделала вертикальный шпагат и встала на ноги.

Она летала над ковром, выполняя один сложный пируэт за другим, но вскоре вновь застыла, прижавшись грудью к гимнастическим матам и перекинув ноги вперед так, что они едва касались головы, точно хвост скорпиона.

Следующий элемент: «мостик». После него Харлин в очередной раз взлетела в воздух и закрутилась в бесконечных переворотах, все сильнее отталкиваясь после каждого прыжка, чтобы набрать энергию, необходимую для последнего двойного сальто.

Приземление было безупречным. Публика ахнула, когда Харлин выпрямилась, даже не покачнувшись. Раздались бурные аплодисменты.

Хлопали все, не только ее друзья.

Дыхание перехватило. «Никаких слез», – приказала она себе, легкой походкой направляясь к своему месту. Она заранее решила, что не взглянет на оценки, пока не дойдет до скамейки гимнасток, однако громкие вопли друзей, да и всей аудитории заставили ее посмотреть на табло. Глаза округлились: все судьи поставили десятки, даже старая придира Анна Каррера. Если Каррера ставила семерку, ее воспринимали, как девятку с половиной от другого судьи. Но сейчас и она поставила высший балл. Друзья Харлин восторженно орали и свистели, прочие зрители на трибуне улыбались и кричали что-то одобрительное.

Мамы на трибуне по-прежнему не было.

– Malenka zirka! Ах, ты моя звездочка! Ты выиграла! – Лилиана Левенчук, тренер Харлин, крепко обняла ее и расцеловала в обе щеки.

В глазах Лилианы стояли слезы, она смотрела на свою подопечную с такой любовью, что Харлин смутилась. Лилиана же вновь обняла девушку и крепко прижала к себе.

Харлин рассмеялась, пытаясь скрыть неловкость:

– Ты меня задушишь!

Лилиана на секунду ее отпустила, но затем снова заключила в объятия.

* * *

– Разумеется, ты ее получила, – сказала мать, когда Харлин рассказала ей, что получила стипендию в колледж. – Я знала, что получишь. Ни секунды не сомневалась.

Они сидели на потертой софе в комнате для обслуживающего персонала, в кафе, где мама подрабатывала официанткой. Харлин пришлось подождать минут десять, пока она освободится. Здесь была ее вторая работа, тридцать часов в неделю. То же самое касалось и первой работы в благотворительной клинике: их бюджет не позволял нанять ее на полную ставку. Две работы по полставки складывались в шестьдесят часов: полторы ставки при обычной зарплате. Труд ее матери ценился дешево.

Харлин прекрасно понимала, что от нее ничего не зависело, и все равно злилась, когда мама не отпрашивалась с работы хотя бы на пару часов, чтобы прийти на ее важные соревнования. Она пропустила все предыдущие выступления Харлин, но на этот раз она обязана была прийти. Ей стоило прийти всего один раз, ведь теперь школьные соревнования остались позади.

Она рассказала матери, как все прошло, хотя, на самом деле, и рассказывать-то было нечего: мать догадывалась, что Харлин поставят высшие балы, и она получит стипендию.

Почему-то от этих мыслей Харлин чувствовала себя еще более разочарованной.

– Я рада, что ты все знала заранее, – сухо отрезала Харлин. – Я вот не знала.

Мать засмеялась.

– Нет, правда, мам, я сомневалась, что выиграю.

Мать засмеялась еще сильнее. Харлин включила режим «бруклинская девчонка»:

– Небось, правду говорят, что маманя завсегда лучше все знает. Чо, не так? Ты ж все и так знала, так чего было трудиться и приходить? Чего уж там время тратить, коль и так все знаешь.

Смех разом умолк, лицо матери окаменело.

– Да уж, я тут вовсю развлекалась, подавая кофе за копеечные чаевые. Не захотела, видишь ли, бросить это увлекательное занятие и посмотреть, как дочка выделяет пируэты.

– Эти «пируэты» обеспечили мне поступление в колледж. Именно они, а не ты.

– Конечно, не я, – мамино лицо стало жестким. – То, что я платила за твои уроки, отказывая себе во всем, чтобы ты занималась с самым лучшим тренером, у которой я, кстати, бесплатно убиралась, если нам не хватало денег оплатить уроки, это все ничего не значит. Разумеется, я ничем не помогла тебе. Все, на что я способна, лишь обеспечивать тебе и твоим братьям крышу над головой. Ну и еду еще. А в свободное от работы время я развлекаюсь, навещая в тюрьме вашего папу. Причем в одиночку, и не потому что не хочу взять тебя с собой, а потому что он запретил. Ему, понимаешь ли, не хочется, чтобы доченька увидела его таким. Моя жизнь настолько переполнена весельем, что иногда приходится что-то упускать. Так что потерпи, дорогуша.

Выдержав паузу, она добавила:

– И не разговаривай таким голосом, иначе люди решат, что ты какая-нибудь деревенская дурочка.

– Тем хуже для них, ведь я совсем не дуручка. Я... я просто не понимаю. Ты же столько всего сделала, мам, мы столько вместе пережили, столько достигли, а ты не можешь отпроситься у босса на час-другой, чтобы посмотреть мое выступление? Почему? Хотя это мне объяснишь?

Выражение лица матери не изменилось.

– Я не могу принести на работу огромный молот.

Харлин изумленно приоткрыла рот.

– Это шутка такая?

Мать бросила на нее косой взгляд.

– А тут кто-то смеется?

6

Лишь в колледже Харлин обрела свободу.

Для многих подростков поступление в колледж и освобождение из-под родительской опеки олицетворяет первый в жизни глоток свободы. Наконец-то они сами распоряжаются своей судьбой и сами принимают решения – иногда хорошие, иногда не очень. Однако для Харлин Квинзель этот период являлся чем-то большим, чем просто ритуалом перехода ко взрослой жизни. Ее словно выпустили на волю после восемнадцати лет тюремного заключения.

Она любила родных, но устала от ограничений, которые неизбежны, если в семье один родитель вкалывает на нескольких работах, а другой... отсутствует. Когда братья пошли в школу, им уже не требовалось столько внимания, но Харлин все равно следила, чтобы одежду они носили чистую, домашнее задание делали вовремя, ели овощи за обедом и не ввязывались во всяческие неприятности.

Функция приемной матери – не самая веселая роль, но Харлин понимала, что ее маме требовалась помощь. Если становилось невероятно тяжело, она напоминала себе, что ее ждет колледж (разумеется, если удастся получить стипендию). Гимнастика была ее пропуском к образованию, однако при условии, что не страдали школьные предметы: колледжи не давали стипендии ученикам с плохими оценками, особенно тем, у кого отец сидит в тюрьме.

Папа вышел досрочно и успел на ее выпускной. В зале присутствовала вся ее семья: отец, мать и братья. До этого полным составом они были только на оглашении его приговора.

* * *

Ощущение свободы в Готэмском университете воистину опьяняло. Теперь девушка называла себя Харли. Мать всегда возражала против этого прозвища и требовала, чтобы ее дочь отзывалась на Харлин. Это было старое английское имя, означавшее «лужайка кроликов». Харли, по ее мнению, звучало слишком по-мужски. «*Ты не мальчик и не мотоцикл*», – говорила мать не терпящим возражений тоном. Повзрослев, Харли пришла к выводу, что они с матерью редко сходятся во взглядах, и не принимала ее слова близко к сердцу. Но теперь, покинув дом, она пообещала себе три вещи: использовать мужскую форму имени Харлин, купить мотоцикл и жить так, точно самая крутая бруклинская девчонка со стипендией гимнастики.

Добро пожаловать в мой мир, господа. Надеюсь, вам здесь понравится.

* * *

Выдумать новое имя – не так уж и сложно. По правде говоря, это самая легкая часть новой жизни. В школьные годы Харли делала уроки в окружении носящихся, как заводные, братьев, или сидя в прачечной среди галдящих женщин и их орущих малышей. Ей даже случалось делать домашнее задание в приемном покое больницы, ожидая, пока врачи диагностируют, что на этот раз сломал или растянул Барри, Фрэнки или Эззи, рухнувший с качелей во дворе. Но еще никогда к ней не предъявляли столь строгих требований, как в колледже. Учеба здесь выматывала похлеще гимнастики.

Несмотря на стипендию, Харли подрабатывала, чтобы покупать еду, одежду и книги, не входящие в официальную программу, но рекомендованные преподавателями. В университетской лаборатории «СТАР» имелся отдел, занимающийся тестированием продукции на животных, и там с удовольствием приняли на работу будущего медика.

Оценки у Харли оставались хорошими, но, к ее смятению, отнюдь не отличными. На первом курсе, в конце семестра, она пришла в ужас, получив по логике «тройку» вместо ожидаемого высшего балла. Впрочем, для первокурсников это совершенно обычное явление. Студенты, числившиеся в десятке лучших учеников в школе, вдруг обнаруживали, что среди остальных студентов, которые тоже были в тех самых десятках лучших, они ничем не выделяются. Те, кто с легкостью закончил школу, едва уделяя время урокам, внезапно впервые в жизни засели за учебники.

Харли никак не могла заставить себя позвонить матери, хотя Шэрон Квинзель, закончившая колледж и медицинскую школу, уж точно знала, что делать в такой ситуации. Мама по-прежнему вкалывала на двух работах, чтобы платить по счетам за адвокатов мужа, пока тот находился в вечном поиске подходящей вакансии. С работой дела в принципе обстояли паршиво, и даже дешевые забегаловки, предлагающие мизерную зарплату, воротили нос. Никому не был нужен отсидевший в тюрьме сотрудник. К тому же, из-за судимости некоторые должности были ему запрещены, независимо от того, подходил он по квалификации или нет. Вот это уже настоящие проблемы, так что Харли казалось каким-то нелепым звонить матери, чтобы пожаловаться, что она не успевает прочитать все заданное по выбранной теме. Все равно что богач плакался бы нищему на ужасный день, поскольку его призовой жеребец обделался в перевозке.

Харли напоминала себе, что она самостоятельно выбрала профессию и что нужно заниматься усерднее. Но, разумеется, пообещать заниматься усерднее, куда легче, чем выполнить это обещание. Ее оценки улучшились, но не настолько, насколько она планировала. Она решила посоветоваться с профессорами. В конце концов, здравый смысл подсказывал: если у тебя проблемы с каким-то предметом, лучше обсудить их с самим преподавателем.

И тут она столкнулась с неприятной неожиданностью: как и другие студенты до нее, она выяснила, что, в отличие от школьных учителей, университетские профессора не думали о неприятностях учеников. Более того: они даже не притворялись, что о них думают. Школьное образование – обязательно, а учеба в колледже – твой личный выбор, и те, кто не дотягивал до нужного уровня, отсеивались.

Пожалуй, самым ярким представителем такой точки зрения был профессор Юджин Фэрроу с факультета психологии. Среди множества других курсов он вел предмет «Статистика в психологии». Говорили, что для работы в области психиатрии этот курс был абсолютно необходим. Когда Харли пришла поговорить с доктором Фэрроу, он нагрузил ее кучей дополнительных заданий и заявил, что путь к успеху лежит через преодоление себя.

– Хорошо, что я занимаюсь гимнастикой, – слабо усмехнулась Харли. – Придется вернуться быстрее.

К ее удивлению, профессор добродушно расхохотался. Отсмеявшись, он сказал, что на следующей неделе в это же время она может вкатиться «колесом» в его кабинет за новым заданием. Харлин не знала, что и думать. С одной стороны, она ему явно понравилась, пусть он обычно и не жаловал студентов, особенно первокурсников. С другой стороны, на нее навалилась масса новой работы, а она и так уже еле успевала справляться с обязанностями.

Подработка в лаборатории теперь казалась отдыхом. Все, что от нее требовалось, – накормить животных, наполнить поилки и вычистить клетки. Правда, иногда еще приходилось гоняться за сбежавшими хорьками. Харли не сомневалась, что сбегали они не самостоятельно: другие студенты, работавшие в лаборатории, выпускали хорьков из клеток, чтобы поиграть с ними. Та же Габриэла Матиас была просто повернута на хорьках. *«Хорошо, что наши смены не совпадают»*, – частенько думала Харлин. В Габриэле таилось что-то неприятное. И проблема тут заключалась не в хорьках: увлекайся эта студентка радугами и единорогами – даже тогда Харли против воли чувствовала бы странное беспокойство. В конце концов, ее семья тоже не

являлась классическим образцом американской мечты. Но Габриэла выглядела какой-то уж совсем... ненормальной.

Единственный, кого Харли считала еще более странным, чем Габриэла, был Бэтмен.

Харли выросла в Бруклине и мало что знала о Бэтмене. Но в Готэмском университете она только о нем и слышала. Такое ощущение, будто все кругом настроились на один и тот же Бэт-канал и больше ничем не интересовались. Все говорили о Бэтмене, не переставая, будто он единолично вылечил рак, избавил земной шар от бедности или установил мир во всем мире.

Насколько Харли знала, он не сделал ничего из вышеперечисленного.

Бэтмен нарек себя борцом за справедливость и сражался с наихудшими из преступников. Вот только *он сам* был преступником. Закон выступал против личного правосудия, но Бэтмен, кем бы он ни являлся, превратил самосуд в образ жизни. Можно даже сказать, в стиль жизни, если вспомнить все его хитроумные гаджеты и аксессуары. Помимо костюма с плащом, маской и поясом со всевозможным оружием, у него имелся специальный автомобиль и сделанное на заказ оборудование. На каждом предмете красовался его фирменный знак. Чем не навязчивая идея?

Однако больше всего Харли изумляло то, что ни один человек в Готэме, похоже, не видел в этом ничего ненормального или странного. Просто потому, что Бэтмен был «хорошим парнем», а всем известно, что хорошие парни ненормальными не бывают. Какой же он преступник? Он же на *нашей* стороне.

С хорошими парнями все в порядке.

Но с чего вдруг все решили, что Бэтмен хороший? Да потому что все так говорили! Ведь «все» не могут ошибаться. Ничто так не украшает жизнь, как закольцованная логика. Когда Харли задавала подобные вопросы, от нее только отмахивались. Считали, что она ничего не понимает, ведь она нездешняя.

Харли бы поспорила, но передумала, посмотрев готэмскую программу новостей. Как бы ни возмущал ее Бэтмен, ему было далеко до местных преступных авторитетов. Они носили какие-то невообразимые костюмы, словно преступления являлись для них своеобразной формой косплея, и отзывались на дикие прозвища вроде Загадочник, Пингвин или Джокер. Последний казался Харли еще безумнее Бэтмена. В сети разошлось видео, где Джокера грузят в фургон для перевозки заключенных в Лечебницу «Аркхем», после того, как его поймал Бэтмен. Харли никак не могла решить, реально ли происходящее или же это идиотское шоу. Но друзья подтвердили, что у высокого, тощего человека в костюме адского клоуна действительно зеленые волосы и белое, точно мел, лицо. Он постоянно устраивал представления, когда его перевозили в «Аркхем».

Харли смотрела, как Джокер сует лицо в камеру, призывая людей красть кремовые торты и швырять ими в полицию, и понимала, что на фоне клоунов, шутки которых оборачиваются человеческими жертвами, Бэтмен, возможно, действительно герой.

Она вдруг пришла к заключению, что Готэм – золотая жила для психиатра.

* * *

Сколько бы Харли ни старалась улучшить оценки, по-настоящему она блистала в гимнастическом зале. Маленькая звездочка Лиляны Левенчук превратилась в ослепительную сверхновую. Она участвовала во всех соревнованиях и неизменно опережала соперниц. Ей, к сожалению, больше ни разу не удалось заработать одни десятки, как на последнем выступлении в школе, но она этого и не ждала. Подобное случается раз в жизни, а со многими людьми не случается вообще никогда. Единственное, что раздражало, комментарии об Олимпийских играх.

«Какой талант! Она потрясающая! Жаль, что никогда не выступала на Олимпийских играх».

Харли не нравилось, что годы тренировок, отточенные способности, выигранные соревнования и все завоеванные медали ничего не значили по сравнению с *этим*. Но в то же время она не сожалела об упущенной возможности. Каждые четыре года она наблюдала за новой группой маленьких девочек на ковре, на брусках или на бревне: лица серьезные и сосредоточены, ни следа той радости, которую испытывала она, взлетая над помостом. Харли не сокрушалась, что не стала одной из них. Мама не оплатила бы тренера олимпийского уровня, и Харли испытывала облегчение, словно ей удалось увернуться от опасности. Чего хорошего в том, чтобы закончить карьеру гимнастки в двадцать с небольшим? Она выкладывалась по полной в учебе и спорте не ради медалей, а потому, что ей это нравилось.

Почему столько людей считало, что, если ты не участвовал в Олимпийских играх, ты – никто? Вздор. Но люди верили в то, во что хотели, не обращая внимания на факты, свидетельствующие об обратном. Даже если факты находились перед их носом. Харли понятия не имела, в чем причина такого поведения, и это вылилось в еще одну причину стать психиатром: надо же выяснить, почему так происходит.

* * *

По мере того, как Харли училась, у нее все лучше и лучше получалось читать людей. Она унаследовала этот талант от отца, ведь жуликам необходимо понимать людей и мгновенно оценивать ситуацию. Правда, Харли не рассматривала свои способности под таким углом. Она пользовалась ими бессознательно, а успех приписывала занятиям психологией.

Девушка обнаружила, что иногда недостаточно быть примерной студенткой. Иногда стоит продемонстрировать эмоциональную заинтересованность в предмете, будь то английская литература восемнадцатого века или всемирная история двадцатого, органическая химия или патопсихология, чтобы преподаватель щедро оценил твои знания. Профессора меньше придираются к студентам, выказывающим искреннее увлечение предметом.

Разумеется, проделать подобный трюк с каждой учебной дисциплиной невозможно, но всегда можно притвориться. Надо лишь использовать ключевые слова. Вот почему так важно слушать, что говорят люди, и Харли стала настоящим мастером этого дела. То, что она молода и красива, также имело большое значение. Преподавателям нравилось внимание привлекательной молодой женщины, и не только мужчинам. К ней тянулись и женщины. А Харли нравилось нравиться, и от этого она нравилась им еще больше. Она даже никогда не предполагала, что жизнь может быть так благосклонна.

Время от времени она ощущала исходящие от какого-нибудь профессора флюиды и понимала, что преподаватель с удовольствием повысил бы ей оценку в обмен на секс. После пары неприятных случаев Харли научилась распознавать «эти» сигналы и осознала, как управлять подобной ситуацией – она называла это «манипулировать». Манипуляции требовали куда больше усилий, но ей обычно удавалось получить высший балл, даже не скидывая туфель. Это лишний раз подтверждало всем известное правило: чем привлекательнее человек, тем больше ему сходит с рук.

Столкнувшись с миром за пределами Бруклина, Харли пришла к выводу, что люди в своей массе были не столько плохими, сколько поддавались слабостям, которые, в худшем случае, склоняли их ко злу или, по меньшей мере, превращали в скучную, ничем не примечательную заурядность. Огромное количество людей скатывались в эту скуку, не жили, а тихо... выцветали, словно старые фотографии. Временами Харли хотелось замахать руками, запрыгать или закричать, да что угодно, только бы прервать сей монотонный марш энтропии.

Когда-нибудь она встретит человека, который будет важнее, чем ее жизнь, который ослепит ее своими яркими красками и научит дышать полной грудью.

Человек, который станет чем-то большим, чем просто набором слабостей.

По крайней мере, она на это надеялась.

* * *

Учеба в медицинской школе оказалась настолько тяжелой, что в один из дней Харли не выдержала и позвонила матери. Мамочка страшно обрадовалась, услышав голос дочери, и вскоре они уже непринужденно болтали и делились новостями. Харли познакомилась с той стороной Шэрон, о которой она никогда не слышала. Впрочем, она старалась не звонить домой слишком часто. Она *из* Бруклина. Бруклин для нее остался *в прошлом*, и Харли ни капли не желала возвращаться в прежние места и к прежнему существованию, где главари мафии, бандиты и отцы, сидящие в тюрьмах, были обычным явлением.

Маму беспокоило, что Харли решила получить степень по психиатрии. Это же не настоящая медицина, вроде ортопедии или кардиологии. В психиатрии все расплывчато, порой, неопределимо. Сложно понять, помог ты пациенту или нет. К тому же, так как врачу приходилось всегда контактировать с подопечными, он и сам подвергался опасности впасть во тьму, из которой трудно найти выход.

Но Харли не сомневалась в своих желаниях. Человеческий мозг – это захватывающее приключение, а приключения ей всегда нравились.

Ну, вот мы и подошли к сегодняшнему дню.

Почти подошли...

7

Всего два года назад...

Доктор Джоан Лиланд проработала в Лечебнице «Аркхем» пятнадцать лет, а последние шесть – её возглавляла. Она стала первой женщиной, занявшей этот пост, и планировала уйти на пенсию лет через двадцать, если ничего не приключится из ряда вон. Ее предшественник, доктор Антонио Лопес, заявил, что ей очень повезло, раз она не хочет менять работу. Людям, долго проработавшим в «Аркхеме», за его стенами приходилось непросто. Врачи других клиник нервничали в их присутствии, словно те были столь же опасны, как их пациенты.

Джоан с неохотой признавала, что в этом крылась доля правды. Когда она участвовала в медицинских конференциях, коллеги держались настороженно, точно боялись ее. Однажды, после долгих совещаний и лекций, она спустилась в бар, где общались несколько ее коллег, психиатров, и попыталась развеселить их шуткой о постоянно болтающих в ее голове голосах. Через пару минут все коллеги разом решили, что сегодня им стоит откланяться пораньше.

Остаться в «Аркхеме» доктора Лиланд заставило чувство долга. Найти врачей и сестер, готовых работать в сумасшедшем доме, где содержатся самые опасные преступники Готэма, ой как непросто. Работа была опасной, все сотрудники клиники могли бы с легкостью припомнить по несколько серьезных инцидентов, и даже самые безобидные из них не забывались со временем. Иногда пациенты сбегали, несмотря на то, что служба безопасности здесь отличалась куда более серьезной организацией, чем в других больницах, а то и в тюрьмах. И все же персонал или их семьи, случалось, становились жертвами бывших пациентов, которые мечтали либо отомстить, либо поиздеваться, а бывало и просто причиняли им вред, безо всякой причины. В клинике работали санитары, способные справиться с разного рода неприятностями, но самую главную проблему они решить не могли – некоторые из пациентов были неизлечимы. Этот факт противоречил самому понятию лечения. Уважающий себя врач обязан помочь больному или же облегчить его страдания, но лечить сумасшедшего – совсем не то же самое, что лечить рак, эмфизему или хроническую болезнь легких. Развитие фармакологии позволило открыть новые лекарства, и пациенты, о которых в прошлом бы забыли, теперь надеялись хотя бы на какое-то подобие нормальной жизни. Впрочем, такие больные в «Аркхем» попадали редко. Большинство психически нестабильных людей становятся жертвами, а не зачинщиками. Но многие пациенты «Аркхема» не просто безумны, они – психопаты. Психопатия – заболевание неизлечимое, с ним трудно справиться, даже если у преступника не наблюдается девиации. Психиатры убедились на своем опыте, как часто подопечные используют терапию, чтобы обмануть членов комиссии по досрочному освобождению.

Психопат с психотическими отклонениями – настоящее порождение зла. Во-первых, никогда нельзя было точно сказать, на самом ли деле он страдает от психоза. Это делало применение медикаментозных средств бессмысленным. Во-вторых, некоторые пациенты припрятавали таблетки, чтобы продать их другим больным или даже кому-то из персонала. Обычно санитарам, но не всегда.

Набрать персонал в больницу – сложно, но еще сложнее найти неподкупных людей с безупречным воспитанием и стальными нервами, которые не ломались в обстановке клиники с опасными сумасшедшими, еще и за ту зарплату, которую государство считало приличной.

В Лечебнице «Аркхем» все было не тем, чем казалось, и ситуация менялась ежеминутно. Приходилось постоянно предугадывать развитие событий, просчитывать разные варианты и действовать быстро. Большинству студентов, только что закончивших медицинскую школу, все это не представлялось нужным.

Доктора надеялись лечить больных или хотя бы помогать им, ведь профессия подразумевала наличие идеалов и следование благородной традиции Гиппократы. Многие с искрен-

ним удивлением узнавали, что слова «первоочередная задача – не навредить» в «Клятве Гиппократата» отсутствуют. Тем не менее, доктор Лиланд знала, что этот идеал присутствовал и ее в мыслях, и в мыслях ее коллег, когда они начинали свою карьеру.

«Клятва Гиппократата» значила гораздо больше, чем расплывчатое «не навреди». Она включала понятие медицины как искусства и науки, необходимость сострадания и желание делиться знаниями с другими, а также предостерегала от ненужного лечения и от терапевтического нигилизма.

* * *

До того, как доктор Винченцо ушел на пенсию, в «Аркхеме» было шесть практикующих психиатров. Доктор Лиланд приготовилась к длительному и мучительному поиску его преемника, но, к ее удивлению, уже на следующий день у нее на столе оказалось письмо с просьбой о приеме на работу. И – о, чудо из чудес! – не от какой-то там двоечницы, с горем пополам окончившей медицинскую школу, а от образованной молодой женщины. В данную минуту доктор Лиланд как раз намеревалась показать ей больницу.

Доктор Харлин Квинзель пришла на работу в первый день в том же строгом деловом костюме, в котором ходила на собеседования. Темно-синий костюм с прямой юбкой, кремовая шелковая блузка и аккуратные черные лодочки придавали ей целеустремленный и уверенный вид. Впечатление усиливали очки в простой черной оправе и уложенные в пучок-раковину волосы. Харлин излучала профессионализм, но при более внимательном взгляде становилось ясно, что она еще и настоящая красавица. Именно по этой причине доктор Лиланд не сразу решила принять ее на работу, несмотря на блестящие рекомендации и превосходное образование. Проверка показала, что рекомендации подлинные, и сейчас Джоан собиралась устроить новой сотруднице тур по «Приемной Ада», как называл больницу доктор Лопес.

Покинув крыло, отведенное для персонала, они поднялись по короткой лестнице и очутились в отделении «А», где некоторые пациенты содержались годами. Внезапно включились сирены, на потолке замигали желтые и красные лампы. Несмотря на пятнадцать лет работы в клинике, доктор Лиланд вздрагивала каждый раз, когда это случалось. А вот молодая и очаровательная доктор Квинзель даже не моргнула: только огляделась вокруг, чуть приподняв брови.

– Код Крок! – из динамиков системы оповещения раздался голос Армана Ла Дью. – Повторяю, код Крок! Это не учебная тревога!

Джоан почувствовала раздражение: один лишь Арман считал необходимым каждый раз уточнять, что тревога не учебная. Все и так это понимали. Но для Армана вообще не существовало учебных тревог, только настоящие.

– Всем сотрудникам немедленно покинуть коридоры и места общего пользования! – продолжал Арман. – Повторяю, доступ в помещения разрешен только службе безопасности.

Доктор Лиланд повернулась к доктору Квинзель.

– Нам стоит вернуться в мой кабинет.

Доктор Квинзель ее не услышала. Она посмотрела в конец коридора, где внезапно появился Убийца Крок в своем жутком чешуйчатом великолепии.

Крок был одним из самых невероятных узников «Аркхема». Огромного роста (высокие санитары дышали ему в подбородок), вместо кожи – зеленая чешуя, глаза – точь-в-точь как у хищной рептилии, а рот полон острейших зубов. Доктор Лиланд не знала, умеют ли настоящие крокодилы рычать, но Крок умел, и страшнее этого рыка она ничего в своей жизни не слышала: рычание чудовища, вырвавшегося из ночных кошмаров в реальный мир. Когда-то он был человеком и, чисто технически, до сих пор им оставался, ведь несмотря на мутацию, его ДНК принадлежала рептилии не полностью, и мозговые волны свидетельствовали, что перед

тобой находился человек. Правда, когда Крок кидался в атаку с разъяренным ревом, это уже не имело никакого значения.

Пациенты в расположенных вдоль коридора палатах принялись орать и улюлюкать. Сигнальные лампы продолжали мигать, сирены завывали, и Арман Ла Дью что-то по-прежнему кричал по системе оповещения. Доктор Лиланд почувствовала, как мир куда-то проваливается, и приказала себе успокоиться. Она не имела права рухнуть в обморок, пусть мир упорно скользил из стороны в сторону, а Убийца Крок несея на них, нацелившись на лакомую добычу в лице доктора Харлин Квинзель.

Доктор Квинзель небрежно протянула руку и сняла со стены огнетушитель. Джоан даже не успела сообразить, зачем он ей понадобился. Убийца Крок взвился в прыжке, а молодая женщина взмахнула огнетушителем, врезав Кроку по самому уязвимому месту.

Рев чудища превратился в высокий визг, и мутант свалился на пол в двух метрах от закругленных носков изящных лодочек доктора Квинзель, корчась и прикрывая пах лапами. Подоспевшие санитары вкололи ему успокоительное и замотали в крепкую смирительную рубашку.

– Док, вы в порядке? – обратился к главврачу один из сотрудников.

Вид у них был одинаково ошеломленный.

Лиланд молча кивнула. Санитары уволокли скулящего Крока, и она повернулась к доктору Квинзель, которая тем временем осматривала огнетушитель.

– Отлично, вмятины нет, – весело заметила Харлин, вешая баллон обратно на стену. – Однако в следующем месяце его нужно перезарядить. Так что вы говорили, мэм?

– Что я говорила? – переспросила доктор Лиланд.

Улыбка доктора Квинзель стала еще шире.

– Вы, кажется, рассказывали про новые нейролептики.

– Ах да, действительно, – Джоан Лиланд все еще чувствовала себя неважно, хотя мир пришел в равновесие. – Мы получили новые образцы.

– Насколько новые? – доктор Квинзель явно была в настроении поболтать.

– Большинство последнего поколения, – сказала доктор Лиланд. – Некоторые еще даже не появились на рынке.

Глаза доктора Квинзель за очками в толстой оправе расширились.

– Вот об *этих* расскажите подробнее.

Уже через полчаса вся больница знала, что невозмутимая новая докторша уложила Крока, когда тот пошел в атаку, а потом, стоя над ним, весело щебетала с доктором Лиланд, пока санитары не уволокли мутанта. И к тому же она была прехорошенькой!

Палата Джокера находилась на самом нижнем этаже адской клиники для безумцев и преступников. Его настолько заинтересовала история, что он выслушал несколько ее вариантов от больных и членов персонала. Все сходились в одном: светловолосая красотка, не моргнув глазом, врезала Кроку по яйцам, словно каждый день имела дело с подобными монстрами. Ее именовали Еленой Троянской, валькирией, богиней Афиной и утверждали, будто она как две капли воды похожа на какую-то знаменитую актрису.

Это была именно та женщина, которую он ждал, решил Джокер. С такой не умрешь от скуки. Подобная женщина стоит времени и усилий, которые необходимы, чтобы ее уничтожить.

Он с нетерпением ждал с ней встречи.

8

Харлин предполагала, что ей придется делить кабинет с другими врачами. Однако в «Аркхеме» оказалось много свободных кабинетов. Ей досталась отличная просторная комната, не огромная, но дверь можно открыть, не задевая стола. Даже окно имелось. Кабинет для Харлин, не для Харли.

Вид из окна нельзя было назвать живописным. Лечебница находилась в захолустье: тут даже летом не на что смотреть. Прямо под окном кабинета росло очень старое, корявое дерево. Харлин понятия не имела, что это за вид, и, похоже, никто в клинике не догадывался. Доктор Лиланд предупредила, чтобы девушка не дотрагивалась до листвы: пациент, ухаживавший за деревом, что-то с ним сделал, и теперь оно выделяло крайне токсичную субстанцию, хуже, чем листья ядовитого плюща.

Когда дул западный ветер, длинные, тонкие ветки стучали в окно, словно требуя их выпустить. Глядя на дерево, Харлин размышляла, что, окажись она взаперти, она смогла бы выбраться из кабинета по стволу. Странная мысль. Лечебница «Аркхем» – место действительно весьма необычное и временами опасное, она успела убедиться в этом в свой первый рабочий день. Но сбегать через окно по дереву?.. Что за ребячество. Такие мысли обычно приходят в голову семилетним детям, а не взрослым женщинам с медицинским дипломом в кармане.

С другой стороны, побег – не такая уж и фантазия для семилетней Харлин. Фантазии не интересовали ту маленькую девочку. Она даже в Санта-Клауса не верила. Отнюдь не Санта-Клаус помог ей в ту ночь на пирсе Кони-Айленда, когда она без страха смотрела в лицо бандитам.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула доктор Лиланд.

– Я подумала, мы можем продолжить знакомство с нашими шизофрениками.

Харлин улыбнулась. С того самого дня, как Убийца Крок сорвался с цепи, доктор Лиланд стала ее лучшим другом. Вчера она показывала ей отделение, где содержались наименее опасные преступники Готэма, те, у кого был шанс когда-нибудь покинуть больницу. Харлин с гораздо большим удовольствием познакомилась бы с пациентами вроде Крока. Но ничего, ей стоило набраться терпения. В конце концов, она тут пока что новенькая.

* * *

Три недели спустя терпение у нее почти кончилось.

Доктор Лиланд так и не отвела ее на нижние уровни больницы, где содержались самые сложные пациенты. Один из врачей-психиатров, сорокалетний лысеющий Реджинальд Персиваль (Харли сразу поняла, что он не из Бруклина – с таким именем он бы там не выжил) называл эти отделения «кладовкой».

Доктор Персиваль старался не высовываться, молча делал, что ему велели, а после работы шел домой и напивался.

Алкоголизм являлся основным механизмом выживания персонала «Аркхема». Не лучшее решение, как поговаривала сама доктор Лиланд, зато законное и легко исполняемое.

Вскоре Харлин пришла к выводу, что недостатки «Аркхема» заключались не в опасных пациентах и даже не в том, что многим из них не улыбалось счастливое будущее за стенами клиники. «Аркхем» жил хаотично, вне ритма.

Разумеется, существовали рутинные процедуры: прием пищи, лекарств, терапия, отдых, сон, но в каждом отделении все это организовывалось по-своему. «Аркхем» состоял из отдель-

ных элементов, никак между собой не связанных. Опаснейшие пациенты словно существовали в другой больнице. По крайней мере, так казалось Харлин, пока она изучала карты подопечных, истории их болезней. Они выживали каждый в своем мирке, и единственное, что их связывало – невозможность покинуть стены сумасшедшего дома.

В «Аркхеме» не отдавали должного внимания часам посещения. Любой, кто хотел навещать кого-то из пациентов, запрашивал разрешение за двадцать четыре часа.

– Наших пациентов мало кто навещает, – объяснила доктор Лиланд в кабинете за поздним ланчем. – Их семьи и друзья уже достаточно натерпелись.

Харлин понимающе кивнула.

– Как говорил наш профессор по патопсихологии, люди с асоциальным расстройством личности не страдают от него, вместо них страдают окружающие.

– Хорошая шутка, – Джоан невесело усмехнулась.

– Тем не менее, посетителей бывает довольно много, – продолжала Харлин. – Особенно по ночам.

– Время от времени доктора приглашают специалистов для консультаций. Иногда это ученые, исследующие очередные вариации патологии и их влияние на мозг.

Лиланд говорила торопливо, и девушка поняла, что та не прочь сменить тему.

– Когда есть возможность, они делятся с нами своими открытиями, – Джоан кивнула на черный шкаф у ближайшей стены. – Результаты находятся в третьем ящике сверху под биркой «Новая информация».

– А почему у них может не быть возможности передать результаты? – Харлин искренне удивилась.

– Например, если они разрабатывают новое лекарство или пытаются улучшить уже существующий препарат. Данные о подобных продуктах держится в тайне.

– Даже когда они тестируются на наших пациентах?

– На наших пациентах никто ничего не тестирует, – резко отрезала доктор Лиланд. – Для этого они или чересчур нестабильны, или слишком атипичны.

Острый ум заставил Харли задать следующий вопрос:

– А что насчет клинических испытаний?

– Последний раз они проходили лет тридцать назад, еще до меня. Отчет лежит в том же ящике, на самом дне. Не слишком приятное чтение, – доктор Лиланд положила вилку и отодвинула тарелку с салатом. – У вас есть какая-то идея, которую вы хотите со мной обсудить?

«Мне хотелось бы узнать, что за странные ученые посещают больницу по ночам и привозят с собой неопознанные ящики на колесиках», – подумала Харлин. «Что в них? Что неизвестные делают с пациентами? Что пациенты делают с ними и с чьего одобрения все это происходит?»

– Простое любопытство, – наконец, ответила девушка. – Особенно если это касается пациентов, которых мне предстоит лечить.

– Лечебница «Аркхем» – последнее пристанище наиопаснейших преступников, – напомнила доктор Лиланд. – К нам попадают только по-настоящему потерянные души, от которых отказался мир. И мы говорим сейчас даже о тех, у кого все еще есть шанс излечиться и выйти на свободу. Впрочем, это все равно только шанс, а не реальность. Но даже если они вылечатся, и мы наденем на них новую одежду, начищенные туфли и посадим в автобус, идущий в Готэм, это не изменит того факта, что они были в «Аркхеме», что, с точки зрения, так называемого приличного общества, неприемлемо. И неизлечимо. Может, нам и удастся собрать осколки человека в единое целое, но, рано или поздно, все вновь разлетится на кусочки. И тогда остается один выход: «Аркхем», из которого несчастный совсем недавно сделал ноги.

– И такое часто случается?

– Уже не так часто. Правда, лишь по той причине, что мы гораздо реже выпускаем их на волю. А когда все же выпускаем, то направляем в специальное перевалочное заведение в Готэме. Как мне кажется, это неправильно, но меня никто не спрашивает.

Харлин нахмурилась:

– Почему вы считаете, что неправильно отправлять их в это заведение?

– Дело не в заведении. Я считаю, что вообще неправильно отправлять их в Готэм. Есть что-то в этом городе, что плохо на них влияет.

Харлин полностью отдалась работе, попутно пытаясь придумать, как улучшить ситуацию в больнице. Возможно, одна из проблем разобщенности клиники состояла в том, что им попросту не хватало персонала.

По ее мнению, им требовалось не менее десяти психиатров на полную ставку. Двенадцать – еще лучше. Но бюджетом распоряжался совет директоров, который постановил, что у них нет средств на дополнительные расходы.

«Скорее всего, в совете заседают одни богачи», – предположила Харлин. Обычно только богатые люди бывают настолько прижимистыми. А потом они еще удивляются, что многим хочется их ограбить. Она точно знала, что если бы эти богатеи скинулись, за те деньги, которые они выкидывают на шикарные обеды, можно было бы построить новое крыло с плавательным бассейном.

Хотя, наверное, с бассейном пришлось бы подождать до следующего финансового года.

* * *

Через какое-то время Харлин почувствовала, что теряет ориентиры. Она беспокоилась по стольким причинам, что это мешало ей сосредоточиться. Она боялась, что превращается в доктора Персиваля: выполняет рутинную работу и ждет конца дня, чтобы уйти домой. С той лишь разницей, что не напивается до полусмерти. В колледже и в медицинской школе ей приходилось жестко экономить, чтобы выживать на стипендию, и она не могла позволить себе ходить по барам. Она не позволяла себе даже несколько банок пива, так что у нее так и не выработалась привычка топить беды в спиртном. Но если все будет идти, как идет сейчас, ей, похоже, придется научиться. Хотя еще одна проблема была ей совершенно не нужна.

Харлин перечитала истории болезней большинства пациентов, чтобы составить наиболее подробную картину «Аркхема». В этот раз она особенно внимательно просматривала карточки тех, кто представлял наибольший риск для себя и окружающих. Подобных пациентов оказалось не так уж и много, но большая часть бюджета и ресурсов уходила именно на них. И все равно некоторые ухитрялись сбежать. Джокер, например, славился своими побегами из клиники. Харлин никак не могла понять, как ему это удавалось. Его содержали в одиночной камере на самом нижнем уровне больницы. У его двери постоянно дежурил санитар. А если Джокер приходил в беспокойство, санитаров становилось несколько.

Судя по истории болезни, Джокер в грош не ставил ничью жизнь, включая собственную. Он постоянно рисковал, прыгая из окон и с крыш. Каждый раз, когда он должен был погибнуть, ему дьявольски везло. Однажды он едва избежал смерти, когда его одежда зацепилась за горгулью, украшавшую здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.